

Яна Сандерс

МЯТЕЖНАЯ
ВДОВА

Тайна флибустьера

18+

Яна Сандерс

**Мятежная вдова.
Тайна флибустьера**

«Автор»

2026

Сандерс Я.

Мятежная вдова. Тайна флибустьера / Я. Сандерс — «Автор»,
2026

Продолжение дилогии "Мятежная вдова" Я считала, что всё позади. Но как же я ошибалась. Глупо было надеяться, что магия тёмных сил успокоится и перестанет искать лазейку, чтобы выбраться и закончить то, что не успела. Но я не привыкла поддаваться панике. Пока всё относительно спокойно лучше займусь делами фабрики, на которую у меня много планов. Ещё и поиски мужа никто не отменял. И мне кажется, я уже подыскала удобного кандидата на эту роль. Люблю ли я его? Наверное, смогу полюбить. Если конечно, не сдамся тому, чей взгляд и прикосновения рожают давно забытое пламя в груди. Давайте договоримся, сеньор Диего: вы оставляете меня в покое, а я никому не рассказываю ваш секрет. В смысле, вы не согласны? Тогда ждите последствий.

© Сандерс Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Яна Сандерс

Мятежная вдова. Тайна флибустьера

Глава 1

Летний зной с каждым днём уступал место осенней свежести, и мне ужасно хотелось окунуться, наконец, в букет ароматов этого волшебного сезона. Иссохшие за лето реки наполнились водой, как и колодца, где в самые жаркие и сухие дни едва получалось набрать хотя бы пару стаканов живительной влаги.

Лавки зеленщиков ломились от овощей и фруктов, а в меню моей кухни возникло немало новшеств, и я с аппетитом и с радостью первооткрывателя вкушала их.

Прошла уже неделя с тех событий, и меня тянуло на волю. Мрачные стены дома Салесов сдавливали, не давая вдохнуть полной грудью. Хотелось бежать оттуда, скрыться от воспоминаний того страшного дня, поверить, что всё закончилось и теперь обязательно наладится. Утерянный перстень так и канул в безвестность. В надежде, что жуткий мистический артефакт оставил меня в покое, я старалась не думать больше о нём.

– Доктор велел лежать! – возмущалась Рита, когда после обеда я примеряла укороченный жакет с широким воротом поверх одного из выходных платьев. – Не бережёшь себя!

– Если много лежать, пролежни будут, – парировала я, очередной раз оставив дуэнью в замешательстве. – У меня очень много дел, Рита. И они не станут ждать.

Женщина всплеснула руками. Ну а что ещё она могла сделать? Ей давно пришлось смириться с тем, что после обморока на похоронах Карлоса к ней вернулась другая Марлен, с которой бесполезно было спорить.

Спустившись со ступеней крыльца, я с наслаждением втянула воздух, сомкнула веки. Наверное, в каком бы мире ты ни оказался, приближение осени ощущаешь на ментальном уровне. Уже не так жарко, но ещё рано, чтобы утепляться. А природа вокруг беспокойно трепещет, сигнализируя тебе чуть подёрнутыми желтизной листочками и травинками:

«Я почти готова, созрела, чтобы отдать часть себя миру и уйти на покой до весны. Весной всё начнётся сначала, а пока не наступило равноденствие, наслаждайтесь солнечными днями, моей любовью и щедростью.»

"Равноденствие" – мысленно повторила я. И ускорила шаг. Настроение разом испортилось.

Можно было взять кеб, но мне требовалось впустить движение в свою жизнь. Я прошла квартал, свернула на Тисовую улицу, и всякий, кто встречался мне на пути, здоровался и спрашивал о самочувствии. После пятого пересказа всех событий пожалела, что не срезала путь, но всё же я радовалась. Пусть так. Я привыкла к этим людям, полюбила их, и лишь неполное восстановление после травмы объясняло мою усталость.

– Мадам Салес! – донёсся с самого верхнего этажа каменного дома голос Дульчи – женщины, знавшей всё обо всех в радиусе трёх близлежащих улиц. – Вы, я смотрю, ожили. Слава Пресвятой!

Женщина встряхнула простыню, которую вешала после стирки на протянутую меж домов верёвку. Ловкие движения её рук завораживали.

– Устала лежать, дорогая Дульча, – ответила я ей, прикладывая ко лбу ладонь, чтобы закрыться от солнца. – Как ваша матушка?

– О, она прекрасно, насколько может чувствовать себя человек, который не помнит никого из родных и целыми днями смотрит в окно. Но сегодня я приготовила чироцци, и она

поела. Это праздник, мадам. Передавайте привет Аньоло и напомните, что он обещал моей Сильвии отрез на платье для её первой службы.

– Обязательно напомню. Прощайте и будьте здоровы.

Круглолицая и кудрявая смуглянка лучисто улыбнулась, не прекращая работу.

А я пошла дальше.

Моя дорога медленно уходила под уклон, приближая море. Но я не стремилась в порт. Мне требовалось попасть в другое место, куда я давно собиралась навеститься, да всё дела не отпускали.

Старик, сидевший возле домика на лавочке, вынул трубку изо рта и кивнул мне, оголяя жёлтые зубы в улыбке. Следом я едва не закружилась перекрёстным потоком визжащих детишек, которые резво играли с собакой. Матери с корзинами фруктов что-то кричали им, размахивая свободными от ноши руками, и причитали, взывая к небу. И так мне всё это нравилось, что на миг показалось, будто только теперь я по-настоящему живу.

Я постучала в дверь белого как облако дома с синей черепичной крышей, вдоль ограды которого на дорогу грациозно свешивались ярко-зелёные плети винограда. Хозяйка отворила, не задавая вопросов, как делали это все в большой деревне под названием Тальдаро.

Она сощурилась, всматриваясь в моё лицо, а потом ахнула и прижала руки к груди.

– Сеньора! Сеньора Салес! А я ведь только недавно вас вспоминала!

Долорес улыбнулась, и мы сошлись в крепких объятиях. – Я заходила на фабрику, – теперь женщина говорила взволнованно. – Мне сказали, вы попали в беду.

– К несчастью, да. Но уже всё хорошо, и первым делом, поднявшись с постели, я решила навестить вас.

– Ох, что же я стою?! – женщина отступила, приглашая меня войти в пространство небольшой, но уютной кухни, совмещённой со столовой. Здесь имелся буфет из светлого дерева, большой круглый стол посреди комнаты с двумя деревянными стульями и ещё один – длинный и прямоугольный возле окна. Несмотря на недуг Долли со зрением, всё выглядело чисто и опрятно. Но как только я обратила на это внимание и порадовалась, женщина совершенно искренне посетовала:

– Простите меня, мадам, за этот беспорядок, – она подняла со столешницы полотенце, которым, судя по тазику, где плавала железная кружка и глиняная тарелка, вытирала посуду. – Я совсем не ожидала гостей. Ко мне мало кто заходит.

– Перестаньте. Не наговаривайте. У вас здесь порядок, которому многие бы позавидовали.

– Мне приходится делать всё сразу, не откладывая. Когда просыпаюсь, застилаю постель. А после обеда не начинаю никаких дел, пока посуда не вымыта. Иначе, если забуду, то потом и не увижу. Ох, эти глаза. А когда-то они были главными моими помощниками. После рук, конечно.

Я поставила на обеденный стол корзинку, которую захватила с собой и с нетерпением поджала губы. Конечно, я могла ошибаться, но попробовать стоило.

– Долорес, – осторожно позвала я её, сжимая в руках ремни очков, – я недавно виделась кое с кем, и он передал вам подарок.

– С кем же? – швея изумлённо уставилась на меня.

– С господином Пабло Пьезоро.

Я пожалела сперва, что сказала это вот так, без подготовки, потому что Долорес спала с лица. Нашупав рукой стул, она медленно опустилась на него и прижала ладонь ко лбу.

– Как вы сказали? – переспросила она. – Пабло? Вы виделись с Пабло?

Я присела на стул напротив.

– Да, дорогая. И он помнит вас. Он всё помнит и ужасно скучает.

Долорес содрогнулась, вбирая в себя порыв заплакать.

– Не может быть. Я думала, он умер. Столько лет я ничего о нём не слышала, и Лучано перестал заходить ко мне. Ох, сеньора, как он? Прошу, расскажите.

– Пабло живёт в горах. Там же и работает. Он помогал мне с одним делом, а в последний мой визит передал вам подарок.

Я протянула ей очки.

– Что это?

– Прибор, который поможет вам лучше видеть.

– Неужто? – она приняла у меня очки и с интересом повертела их в руках. – И как же он работает?

– Позвольте помочь.

Я поднялась и расправила ремни. Некоторое время пришлось потратить на подгонку, чтобы ничего не давило и когда замысловатый кожаный шлем со стёклами закрепился на седой голове, мы обе замерли.

Я выжидающе смотрела на Долорес, она – прямо перед собой и, казалось, не то что не шевелилась. Не дышала.

Извелась от волнения всю ту бесконечно долгую минуту тишины, а когда женщина подняла на меня лицо, затаила дух.

– Мадам, – сказала она, наконец. – Вы такая красивая!

Рот мой сам собой округлился от неожиданности.

– Вы видите? – решила я всё же уточнить.

– Вижу ли я? – она повернула голову и посмотрела в окно. – Определённо вижу. Это же море! Вы не поверите, но я уже десять лет не видела из этого окна моря, мадам. Лишь лазурное пятно. А теперь вот оно.

Она поднялась, обошла стол, развернулась.

– Пресвятая, – протянула она, глядя куда-то в потолок. – Да там паутина! А это что? – женщина выставила палец, указывая на дальний угол, но следом так громко хлопнула себя по ногам, что я вздрогнула. – Ну надо же! А я их столько дней ищу!

Старушка с завидной проворностью кинулась туда, куда указывала, а когда подняла с пола ножницы, с победоносным видом повернулась ко мне.

Она выглядела так забавно в очках, которые делали её похожей на пилота, что я улыбалась одновременно от умиления и радости.

– Ох, Пабло, мой дорогой Пабло, – она стянула с головы шлем и посмотрела на него с нескрываемой любовью, – Я должна увидеть его, сеньора! Прошу вас, проводите меня к нему!

– Дорога в горы – испытание не из лёгких, Долорес. Но может быть, мне удастся уговорить Пабло спуститься в город? – получилось обнадёжить женщину. И через пару минут мы уже пили чай с душистыми булочками, которые я захватила с собой.

– Мы с Пабло познакомились, когда я работала у сеньора Гильермо, – рассказывала Долли. – К тому времени мы оба успели овдоветь, но я даже помыслить не могла о том, чтобы нам стать семьёй.

– Почему?

Женщина грустно улыбнулась.

– Всё это было так давно, – продолжила она, всматриваясь в мирный горизонт спокойного моря, – но мне иногда кажется, что я всё ещё бесправная служанка в доме почтенного сеньора, и меня в любой момент могут снять с одной работы и поставить на другую. Да, да, мадам, в те годы слуги ещё не имели прав и оклада и были собственностью господ. Пабло трудился неподалёку, и я частенько встречала его на рынке. О, этому человеку чужды были предрассудки, и он не гнушался помогать мне с сумками или мелким ремонтом, а я в редкие свободные часы помогала ему со стиркой и готовкой.

– Он ведь мог выкупить вас у сеньора Гильермо.

– Всё не так просто, – Долорес закончила размешивать чай, но так и не притронулась к нему. – Выкупить слугу у его господина мог только представитель знатного рода. Ремесленники и иные свободные граждане не имели права содержать невольников. Мы могли создавать семьи только с теми, кого выбирал для нас хозяин.

Мне теперь тоже было не до чая. Отодвинув чашку, я нахмурилась.

– Простите, Долорес, но это всё такая дикость, что в голове не укладывается, как возможно, чтобы одни люди помыкали другими словно скотом. Удивительно, что переворот не случился раньше, – сказала, вспомнив слишком поздно о том, что в России рабство отменили позже, чем в большинстве развитых стран.

– Мне близки ваши мысли, и это радует меня, мадам. К несчастью, в Тальдаро ещё достаточно тех, кто скучает по прежним порядкам и воспитывает своих детей в этой ностальгии. Когда сеньор Фьезоло и сеньор Борджес принесли свободу в Портальяно и Тальдаро, мы не верили своему счастью.

Голос Долли напряжённо дрогнул. С минуту я наблюдала за её неподвижной фигурой и видела, как время остановилось, ощущала, как проносятся перед взором женщины полные испытаний эпохи, выпавшие на её век.

– Трагедия случилась незадолго до того дня, когда мы с Пабло собирались узаконить наш союз в ратуше. Тот пожар изменил город до неузнаваемости, унёс много невинных жизней, но главное – разлучил нас. С тех пор я больше не видела моего любимого.

Она умолкла, прижимая руку к лицу.

Я понимала, что их время давно прошло и даже если я сумею убедить Пьезоро прийти сюда, это ничего не изменит. Учёный обосновался там, где может работать и экспериментировать, не подвергая никого опасности. И какие бы трепетные воспоминания он ни хранил о прошлом и о женщине, которая всё ещё была ему дорога, он не вернётся.

Похоже, что мы с Долли размышляли об одном и том же. Потому что она заявила вдруг:

– Когда снова соберётесь к нему, предупредите меня, сеньора. Я пойду с вами.

– Но, Долорес...

– Нет, нет, не спорьте. Я всё решила. Я должна увидеть его и поблагодарить за подарок. В моём возрасте не откладывают на потом важные дела и встречи с любимыми. Мне нужно его увидеть, понимаете?

Долли поднялась и подошла к окну, не желая, чтобы я заметила её слёзы.

Несложно было понять женщину, в жизни которой было немного радостей. Пообещав, что обязательно возьму её с собой в следующий раз, я оставила на столе небольшой мешочек с обещанной пенсией старушки, на что получила стопку готовых изделий, над которыми Долорес трудилась дома. Это был не заказ на партию формы, и даже не наряд для юной, знатной наследницы. Долорес подправила кое-какой списанный брак, который мы с Мартином отыскали на складе. И теперь я могла выполнить обещание, данное детям бедного квартала. Правда, платья для малышки у меня пока не было. Но над ним обещал поколдовать Лукас.

Вещи выглядели прилично. Перешить брюки и куртки для взрослых мужчин на одежду для мальчиков не составило умелой мастерице труда.

– Скоро у нас будут машины для шитья, – сказала я, ступая за порог и поудобнее перехватывая стопку.

– Как? – ахнула женщина. – Это что же, швеи больше не нужны?!

Я усмехнулась.

– Машина без швеи работать не станет, Долорес. Приходите на фабрику, и сами всё увидите.

Она лишь недоверчиво пожала плечами.

Что ж, так уже было в истории и не раз. Ко всему нужно привыкать, но и стадию отрицания никто не отменял.

Меня бы точно удивило и озадачило, если бы мою затею с модернизацией приняли все и сразу. Но того, что случилось, когда я явилась в тот же день на фабрику, не ожидала даже я, которая, казалось, готова была ко всему.

Глава 2

Тревога заколола в груди ещё до того, как я переступила порог фабрики. Издали увидела спящих по округе людей. Две девушки – швеи, нанятые на бирже – забежали в калитку, ведя за собой незнакомого мне мужчину в серо-зелёном одеянии и с объёмным саквояжем в руках.

Ускорила шаг, а когда следом за ними вошла в цех, не сразу поняла, что все так суетятся.

– Марлен! – взволнованный Лукас кинулся ко мне с порога. – Мало нам проблем, ещё это. Тебе уже сообщили?

– Сообщили, что? – всё внутри похолодело от страха.

– Шарлотта повредила руку.

Несколько секунд понадобилось, чтобы вспомнить швею, которая пришла к нам недавно. И так как Лукас молчал, пришлось его поторопить.

– Я не понимаю. Что с ней? Ожог? Перелом?

– Нет, сеньора, – мужчина взглядом указал в дальний угол, где суетились швеи и тот самый тип в серо-зелёном.

– Кто это?

– Аптекарь. Сеньор Чилиано.

Не дожидаясь больше объяснений, я бросилась туда, где мужчина и несколько женщин крутились вокруг плачущей девушки.

– Что здесь произошло? – спросила я, обращая на себя внимание. Сидевший на корточках мужчина лишь мельком взглянул на меня, не прекращая наматывать на руку Шарлотты бинт, который намокал от крови в пространстве между большим и указательным пальцами.

– Что произошло, – повторил он пренебрежительно. – Её ранила вон та машина, – мужчина мотнул кудрями в сторону одного из столов. – Какой глупый риск. Ставить сложные аппараты туда, где за ними не будет должного присмотра. Удивительно, что они все не наделали себе дырок в руках. Это же надо было додуматься.

Я ахнула от такой наглости. Ещё один будет меня жизни учить.

Но выговаривать не стала. Повернув голову туда, куда он показал, я увидела собранную швейную машинку, а на соседнем столе чуть дальше – точно такую же.

– Когда их принесли?

– Два дня назад, сеньора, – ответила одна из девушек.

– Лучано хотел дождаться вас, – продолжил Лукас, – но ему сказали, что вы нездоровы, и он решил, что будет лучше показать швеям принцип работы этой машины. Удивительно, что Шарлотта поранилась. Здесь ведь нет ничего сложного.

– Это для вас ничего сложного, – простонала Шарлотта как ребёнок. – Я всё делала, как он говорил! И вон как вышло! Всё зло от машин! В них живёт дьявол! Они просто заменяют людей и оставят нас без работы!

– Я много раз говорила вам всем, что это не так! – не выдержала я её истерики. – Просто ты не соблюдала технику безопасности, раз довела до подобного. Это халатность, Шарлотта. И ты поплатилась за неё. Впредь будешь внимательнее.

– То есть вы считаете, что я виновата во всём?!

– Осторожнее нужно быть. Вот и весь секрет, – смягчилась, когда мне на плечо легла рука Лукаса. – Её лечение за мой счёт, сеньор Чилиано.

Несколько пар глаз, в том числе и аптекарская, удивлённо уставились на меня.

– Что? – я непонимающе нахмурилась. – Это же травма на производстве. Работодатель обязан платить.

Таня, остановись. Давай ещё номер статьи трудового кодекса Российской Федерации приведи для полноты картины.

– По совести, так должно быть везде, – попыталась я оправдаться. – И надеюсь, что скоро это правило введут на всех предприятиях.

Аптекарь снова вернул лицу надменное выражение. Лучше бы они Ольваре позвали, честное слово. Противный мужик.

Тем не менее я поблагодарила его за визит, дала денег и отпустила с миром. Следом ушла и Шарлотта, от которой теперь было мало толку.

Оставшись вчетвером с Лукасом и двумя швеями, я вдруг осознала простую истину: после всего увиденного и услышанного женщины добровольно не сядут за машинки. Это становилось ясно по испуганным взглядам, которые те бросали на громоздкие конструкции с иглами, колёсами и рычагами.

– Так, – я устало потёрла переносицу, – скажите, кто-нибудь ещё пытался работать с машиной?

– Сеньор Лучано показал нам, но, честно признаться, я совсем ничего не поняла, – сказала одна из девушек и выжидательно уставилась на другую в поисках поддержки.

Их немое переглядывание сообщало, что они давно уже спелись саботировать прогресс, что ещё больше осложняло дело.

– Эта машина опасная, сеньора, – жалостливо проговорила вторая. – Игла как из арбалета стреляет. Зазеваешься и пришьёшь себя к столу. Нет, мадам, что хотите с нами делайте, но мы не станем больше рисковать и ранить руки. Они нужны нам для работы.

Мы с Лукасом синхронно вздохнули тяжёлым вздохом, полным нежелания мириться с человеческим невежеством и суеверными страхами.

Я вновь попыталась образумить швей:

– Девочки, суть этой машины в том, что она шьёт быстро. Вы ведь знаете, что моих работниц отстранили. Две-три швеи не выполняют все заказы в срок, и мы подведём людей. А главное, фабрику придётся закрыть.

Девушки потупились, не говоря больше ни слова, и я поняла, что расшевелить их получится лишь через принуждение и запугивание. Но мне меньше всего хотелось обижать их. Эти женщины имели право бояться. А хороший руководитель на моём месте не в страхе должен был держать подчинённых, а придумать, как их стимулировать. Мы же не в Древнем Египте пирамиду строим, честное слово. Хотя на миг я прониклась пониманием к фараонам.

Вот только времени выдумывать методы стимулирования у меня не было. Хватило и того, что бесценные дни потрачены были на лежание в постели.

– Я сам буду шить! – заявил Лукас, когда пришли Мартин с Беллой, и мы вчетвером закрылись в кабинете.

Я прохаживалась из угла в угол, нервно оттягивая полупрозрачные рукава с тонкой вышивкой, которые грозились истрепаться. Остановившись напротив круглого окна, ответила, вглядываясь в панораму города:

– Благодарю тебя, дорогой, но этого недостаточно. Даже если обе машины будут работать, мы не успеем до срока. Что у нас в плане?

Белла зашелестела книгой учёта, которая всегда была при ней.

– Форма для студентов, мадам, готова на треть, – начала она. – Ткань вчера завезли, остаётся только изготовить рубашки и брюки. Куртки уже на складе. Постельное бельё и халаты для больницы не готовы. Партия сумок для лавки господина Умбэрто не готова. Чулки и панталоны для магазина сеньоры Фредерики не готовы, как и накидки для осеннего бала учениц пансиона, – на последних словах девушка совсем сникла. – У Лукаса ещё пара заказов, от Корсы и сеньоры Ринаты. Но он сам ими занимается.

– Я могу отменить их! – вызвался модельер. – Перенести. Это совершенно не срочно, Марлен. Сейчас нужно больше свободных рук для куда более важных дел.

Поразмыслив ещё, я повернулась к мужчине, готовому жертвовать репутацией в свете ради блага общего дела.

– Не нужно, Лукас, дорогой, – сказала, глядя на него с нежностью. – Ничего не нужно отменять. Лучше покажи, как работает эта машина.

Через четверть часа я с интересом наблюдала за тем, как нить цепляется за проводящие детали механизма и, проходя сквозь ушко довольно крупной иглы, пронзает кусочек ткани, взятый для тренировки. На нём уже имелись неровные линии шитья, кое-где скомканные в небрежные узелки. И всё то время, пока я следила за движениями Лукаса и вникала в работу машинки, меня не отпускало странное чувство. Была во всём происходящем доля преемственности. Из времени во время, из мира в мир история за некоторым исключением повторялась. Потому что нигде прогресс не будет стоять на месте, пока существуют такие беспокойные головы, как у Пабло Пьезоро. Уверена, он и без меня придумал бы нечто подобное рано или поздно.

Мастер всё сделал правильно. Он понял, чего я от него хочу. И когда модельер окончил демонстрацию, я не удержалась от того, чтобы погладить громоздкую и немного зловещую в своём грубом исполнении конструкцию. Но я уже любила её. А внешний вид для такой техники – дело времени.

– Я верю, ты спасёшь нас, и слава о тебе разойдётся по свету, – сказала я, касаясь кончиками пальцев шершавой поверхности деревянного колеса.

Не сразу поняла, что на меня теперь с особой тревогой косятся швеи, вернувшиеся за свои старые аппараты.

– Смею предположить, вы научились смотреть в будущее, мадам? – усмехнулся Мартин.

– И в мыслях не было, – ответила я. – Просто рассуждаю логически.

Я взялась шить. Просто не могла остановиться, когда освоилась с этой праматерью устройства, которое в моё время имелось почти у каждой хозяйки.

И всё же у неё был один недостаток. Машинка шумно работала. И через час сидения за ней я поняла, что у меня начинает болеть голова.

– Две рубашки за час, – сказала я, поглядывая на притихших швей. – И все пальцы целы. Одно из двух: или я заключила сделку с дьяволом, чтобы он помогал мне не дырывать руки, или внимательно слежу за тем, что делаю.

Чуть не рассмеялась, заметив суеверный испуг во взглядах девушек.

Таня, вот вечно ты так. Когда устаёшь, мало думаешь, много болтаешь. Так они вообще уйдут и не вернутся. Сама будешь в три смены упахиваться.

– Мне больше нравится второй вариант, – раздался позади меня мужской голос.

Я обернулась. А когда увидела, кто пришёл, заулыбалась как девчонка.

Глава 3

– Сеньор Гаспаро! – я поднялась из-за стола навстречу мужчине, который, как мне показалось, выглядел немного иначе, чем всегда. Потрёпанный сюртук заменял тёмно-серый камзол из грубой шерсти, а на голове вместо картуза сидела шляпа. Для полноты образа частного детектива не хватало трубки в зубах. Я, признаюсь, залюбовалась.

– Зовите меня Фердинанд, Марлен, – мужчина приблизился и протянул руку, чтобы коснуться моего плеча, но вовремя осёкся. – Что это? – он перевёл взгляд на машину, в которую всё ещё была заправлена ткань. – Грохот был слышен, когда я ещё мимо калитки проходил.

Вернувшись к столу, неловко качнула деревянное колесо. Я почему-то нервничала, ожидая реакции мужчины.

– Это наша гордость, – сказала, поджав губы. – Или, если мне так и не удастся заставить швей пользоваться ею, проклятие самое настоящее. Швейная машина стояла мне как две лошади в базарный день. И иногда я позволяю себе грех думать, что лучше бы я купила лошадей.

Мужчина обошёл стол, с интересом рассматривая прибор.

– Я никогда ничего подобного не видел. Кто это сделал?

– Сеньор Пабло Пьезоро.

– Помню-помню, – Фердинанд пару раз кивнул своим мыслям. – Толковый был мастер. Неужели он ещё жив?

– Живёт и здравствует. Он поселился в горах и не выходит оттуда. К нему не так-то просто добраться.

– Но вам это удалось.

Мужчина вдруг оторвался от машины и лукаво посмотрел на меня исподлобья.

Сильнее натянула на плечи шаль, ощущая одновременно неловкость и воодушевление от этого невинного проявления интереса. Мне приятно было его внимание.

– Да, вы правы, – призналась я. – Но мне помогли. Сама бы я точно не отыскала дороги.

– И кто же вам помог?

– Лучано. Сын сеньора.

Не знаю, почему я скрыла участие Диего Борджеса во всей этой истории. Наверное, не хотела, чтобы Фердинанд думал обо мне всякое. Не желала давать повод расстраиваться и ревновать.

Стоп, ревновать? Да какая, собственно, разница? Я ведь никому ничего не обещала и вольна делать, что захочу!

– Если вы не спешите, Фердинанд, – начала я, желая сменить тему, – то мы можем выпить чаю. А потом снять с вас мерки. Не думайте, что я забыла о своём обещании.

Улыбка ещё больше украсила и без того привлекательное лицо мужчины.

– А вот я забыл, – признался он, стирая улыбку и возвращая облику серьёзность. – Я приходил, только чтобы узнать, как вы, Марлен. До меня поздно дошли новости.

– Благодарю за беспокойство, сеньор. Сейчас, как видите, всё в порядке.

От чая он отказался. И, не желая терять времени, которого нам обоим зачастую не хватало, мы направились к Лукасу, чтобы тот снял мерки для пошива нового сюртука. Но, ко всеобщей досаде, модельера на месте не оказалось. Я искала его в кладовой, в подсобке, спрашивала у девочек. Как сквозь землю провалился.

В итоге мне стало ужасно неудобно перед гостем, и я с виноватым видом вернулась в свой кабинет, где оставила мужчину.

Камзол его и шляпа висели на гвозде у входа. Сам же Фердинанд в свободной и немного вальяжной позе занимал собой кресло напротив моего стола и задумчиво смотрел в окно, перебирая пальцами небольшой нож в кожаном чехле, снятый, видимо, с пояса.

И снова у меня не нашлось сил, чтобы отвести взгляд. Да и как тут было справиться с порывом, когда и без того симпатичный мужчина сидит вот так в просторной, светлой рубашке, которая расстёгнута на груди и небрежно заткнута за кожаный пояс брюк, облегающих мышцы мощных ног. Брюки заправлены в сапоги, как у военного офицера. А свободная поза, пронзительный взгляд и уверенные движения выдают в нём человека, привыкшего добиваться своего.

Поняла, что он заметил моё внимание, слишком поздно. И неизвестно, сколько времени Фердинанд вот так хитро посматривал на меня, пока я его разглядывала.

– Лукаса нет на месте, – проговорила я, смахнув наваждение и уверенным шагом входя в кабинет. – Боюсь, лишь Пресвятой известно, когда он вернётся. Мне страшно жаль.

Кресло скрипнуло, и мужчина, опершись руками на подлокотники, поднялся, не прекращая смотреть на меня. Когда он выпрямился во весь рост, пришлось сглотнуть слюну.

Потому что нельзя быть на свете... таким вот. Красивым. Прям фотомодель. Хотя сейчас на обложку любовного романа сажай.

Отступила на шаг, немного теряясь в обществе этого человека.

Фердинанд поставил руки на пояс.

– Жаль, – сказал он. – Но ничего. Мне не к спеху. Буду мимо проходить, загляну к вам, мадам. Всего хорошего и будьте здоровы.

Он шагнул вперёд, а когда прошёл совсем рядом, на меня что-то нашло. Иначе было не объяснить, почему мне вдруг стало не хватать воздуха, и я часто-часто задышала, прижимая руку к груди.

– Сеньор Гаспаро, – позвала я, не решаясь оборачиваться, чтобы снова не попасть под властное обаяние этих глаз. – В смысле, Фердинанд. Я могу сама снять мерки, если вы мне доверитесь.

Моё лицо скривилось в нервную гримасу, когда я поняла, что перехожу черту. Ему ведь придётся раздеться передо мной! Вот так вот, как есть. Мы с ним одни здесь, никто нас не видит, и, похоже, мои демоны решили этим воспользоваться по полной. Что-то внутри, какая-то странная, противоречивая сила не желала отпускать этого человека.

Сзади слышались приближающиеся шаги. Они остановились за моей спиной.

– Почту за честь, – сказал Фердинанд тихо, но несмотря на это, я вздрогнула.

Ну что ж, делать нечего, Татьяна Михайловна. Сама напросилась.

– Секунду, – я резво отскочила, и повернувшись к мужчине, предупреждающе выставила палец, не забывая при этом нервно улыбаться во все тридцать два зуба. – Сейчас только ленту измерительную найду.

Лента отыскалась быстро в одном из выдвижных ящиков стола. Растянув её, я обошла этот самый стол и остолбенела с открытым от смеси испуга, восхищения и желания сигануть в окно ртом. Фердинанд успел стянуть рубашку и стоял теперь посреди кабинета в одних брюках, из-под расстёгнутого пояса которых выглядывал краешек кальсон. Мужчина ничуть не стеснялся наготы.

Во мне что-то умерло в ту минуту или, наоборот, родилось. Я осознавала безумие своей затеи и то, что теперь могло произойти всё, что угодно.

Глубоко вздохнула, подходя к мужчине и растягивая ленту так, будто готовилась не измерить, а придушить ею красавчика.

Когда остановилась, некоторое время ещё соображала, с чего же начать.

Я умела снимать мерки. Но что, если в Тальдаро на этот счёт имелись нюансы? Хотя сколько я ни вникала в работу швей и сколько ни рассматривала выкройки у Лукаса на столе, особенной разницы не замечала.

Рука дрогнула, когда я ненароком коснулась пальцем плотной мышцы крепкого плеча. Надо же. А ведь мужчины моего времени ради таких банок в спортзале убиваются. А тут простой грузчик. Интересно, он сам тоже тяжести таскает? Судя по всему, да.

Я протянула ленту от плеча к плечу, затем измерила обхват руки, талию. На последнем пришлось дыхание задержать, потому что оказавшись, как никогда близко к полураздетому мужчине, я почти ткнулась носом ему в грудь и уловила аромат. Никакого парфюма, никаких отдушек. Самый обычный запах мужского тела, с нотками какой-то экзотической соли и смоляного дерева. Но он пьянил в ту минуту сильнее всякой туалетной воды.

– У вас очень нежные руки, сеньора Салес, – сказал Фердинанд, когда я выпрямилась, и обвил своими пальцами мою ладонь.

Сердце уже не просто стучало, оно бешено колотилось в груди, а я не понимала, что со мной. Я сама дала этому человеку повод для сближения. Хотя почему нет? Ведь я теперь могу выбирать. Так почему бы не выбрать достойнейшего из достойных? Фердинанд уже однажды спас меня, готов помогать, искренне волнуется.

Я старалась убедить себя в честолюбии. Но это была ложь. Мне нравился этот мужчина во всех смыслах слова. Лестило его внимание, манили его глаза, улыбка. Мне хотелось обнять его, позволить шагнуть за грань, отпустить всё то, что сдерживали в нём представления о правилах и нормах приличия. Ведь перед ним не простая крестьянка или служанка. С дамой моего уровня не забалуешь.

Рука Гаспаро переметнулась с ладони на моё плечо, сжала его, вырывая из груди короткий стон. Вторая ладонь легла на талию.

Он ничего не сказал. Да этого и не требовалось. Тела, движения, взгляды говорили за нас. Мне ужасно хотелось запустить руку в копну его шоколадных волос и податься вперёд, позволяя поцелую, которого мы оба так страстно желали, случиться. Но вместо этого я бросила:

– Осталось ещё кое-что измерить.

Мужчина ожидал другого. Вопросительно вздёрнув бровь, он опустил взгляд и тут же вернул его ко мне.

– Предлагаете мне снять брюки? – вопрос ясно просигналил, как далеко мы зашли в своих безмолвных намёках.

Кажется, только теперь я пришла в себя и с испугом уставилась на мужчину.

Он усмехнулся.

– Кальсоны можно оставить, – выдавила я из себя, чувствуя, как голос сопротивляется словам и вот-вот сорвётся на кашель.

Мужчина улыбнулся, приподняв уголок рта и, не отводя взгляда от моего лица, с лёгкой небрежностью стянул с себя одну штанину, затем другую. В обморок я, конечно, не упала, хоть и готовилась, но когда сквозь тонкую ткань белья довольно отчётливо разглядела рельеф того, на что приличным сеньорам смотреть не полагается, поток самобичевания было уже не остановить.

Неправильно я поступаю! Не ведут себя так девочки в этом мире! Откуда взялась эта распушенность?! Да я ведь ничем не лучше Корсы, которая по углам с любовниками прячется! Или это Диего меня так испортил своими бесконечными приставаниями, которые всякий раз приходилось пресекать, переступая через естественные потребности и желания? Я ведь не железная.

Вспомнив пирата, насупилась. Ну да, самое время. Не хватало ещё, чтобы он притащился сюда. А то ведь может.

Опустилась на колени перед мужчиной, стараясь не думать, как двусмысленно мы смотримся и не глядеть на его ожившую ширинку. Нет, ну в таком состоянии я сейчас ему намеряю. Успокоиться неплохо бы. И мне, и ему

Как только я снова растянула ленту, перебирая в голове способы выхода из щекотливой ситуации, дверь моего кабинета открылась.

Медленно выглянула из-за пояса Фердинанда, продолжая крепко удерживать ленту, и чуть челюсть не уронила. Повернув голову почти одновременно со мной, Гаспаро не менее озадаченно уставился на незваного гостя.

– Какого чёрта? – свирепо спросил Диего Борджес.

Глава 4

Гаспаро коротко склонил голову в знак приветствия.

– Моё почтение, сеньор Борджес, – сказал он, оборачиваясь и скрещивая на груди руки. Он казался спокойным, но волнение его выдавали мышцы, на которых при виде корсара от напряжения вздулись вены.

– Засунь своё почтение... – Диего покосился на меня и склонил набок голову. – Дай угадаю, Марлен. Работаешь? – спросил он двусмысленно до безобразия.

– Ну вообще-то да, – не поднимаясь с колен, я потрясла лентой. – Как видишь. Ты чего-то хотел?

– Хотел.

Только теперь я увидела, что с его плеча свисает мантия. Мужчина дёрнул рукой, и когда на пол передо мной свалилось нечто огромное, с длинной чёрной шерстью и клыкастой мордой, я вскрикнула и отшатнулась, перекатываясь с колен на пятую точку.

Фердинанд тоже ошетинился, но быстрее, чем я, понял, что случилось, и присел на корточки перед жуткой тварью, которая оказалась всего-навсего шкурой убитого зверя. Того самого зверя, который чуть не загрыз нас с Диего в лесу. Я изумлённо уставилась на пирата.

– Арданитас? – спросил Фердинанд, небрежно беря существо за ухо и ворочая его голову. – Немыслимо. Как вам это удалось? Их шкура стоит целое состояние.

Мужчина провёл ладонью по шерстинкам, которые замерцали, оголяя серебристый подшёрсток. Он всё ещё светился, несмотря на то, что животное давно погибло.

– Руки убрал, – голос Диего показался мне ещё более зловещим и полным обещания.

Гаспаро послушался. И поднявшись снова на ноги, оказался лицом к лицу с Борджесом.

– Зачем ты сюда пришёл? – спросил корсар, возвышаясь над ним и нагоняя страху. И хоть я ни в чём, кроме собственных помыслов, не могла быть уличена, меньше бояться разъярённого, ревнивого пирата не выходило. А он ревновал меня, что выдавали стиснутые челюсти, пламенеющий взгляд и руки, сжатые в кулаки.

Но я ведь не его собственность! Пусть уже начинает примиряться с мыслью, что я ему не принадлежу и в любой момент могу найти себе мужчину или, чего уж, выйти замуж! Время, между прочим, поджигает!

Фердинанд поднялся, натянул брюки и уже собирался ответить, беря со спинки кресла свою рубашку, но я опередила его.

– Я обещала сшить сеньору Гаспаро сюртук. А для этого нужно было мерки снять. Такого объяснения тебе достаточно? – скрестила на груди руки и нахмурилась, желая показать, что не боюсь.

– Вполне, – пират зловеще присвистнул сквозь щербинку. – Вот только я не тебя спрашивал, Марлен. Ну так что, пёс плешистый, сам скажешь, что ты здесь забыл или помочь разговориться?

Фердинанд уже успел застегнуть на себе несколько пуговиц, но вынужден был остановиться, принимая вызов.

– Вас это не должно касаться, – сказал он, оправляя рукава. – То, что происходит между мужчиной и женщиной за закрытой дверью комнаты, вообще никого не должно касаться, кроме них двоих. И в следующий раз стучитесь.

У меня всё внутри похолодело. Сомкнула веки, не решаясь смотреть на Диего. Фердинанду что, жить надоело?

Корсар стал подходить ближе, а я невольно отступала, пока не врезалась спиной в край стола. Теперь отвести взгляд от двух противников, вполне достойных друг друга физически, было выше моих сил.

Высверливая острым как лезвие бритвы взглядом дыру в противнике, Борджес остановился почти вплотную к нему. Да и тот не отступал. И одному богу было известно, чем закончится их противостояние.

– Я бы мог тебе глотку перерезать прямо здесь, – сказал Диего, и в руке его блеснул тонкий металл. – Но я не хочу крови. Поэтому ты сейчас уйдёшь, Фердинанд Гаспаро, вернёшься к своим делам и больше никогда не приблизишься к этой женщине.

В надежде, что шатен благоразумно выполнит требование, я с мольбой уставилась на него.

– Вы всегда очень умело решали за других, как им лучше поступить, сеньор Борджес, – бесстрашно ответил мужчина, успев обнажить свой клинок. – Но иногда неплохо давать людям выбор. Поэтому пусть мадам Салес сама решит, кого она хочет видеть, а кому лучше убраться обратно в министерство.

– Щенок, – рыкнул Диего, мгновенно рассвирепев.

Он бросился на Фердинанда, как медведь, беря его в захват, который должен был обездвигнуть мужчину. Но тот ловко выкрутился, и через секунду два хищника обходили друг друга, целясь клинками и выжидая момент, когда защита противника даст сбой.

Никто не желал сдаваться. А ножи, зажатые в их руках, не предвещали ничего хорошего. Гаспаро метнулся первым. Мгновение, и конечность его оказалась зажата в хватке бывшего абордажника, клинок со звоном приземлился на пол.

– Сеньора Салес, – обратился ко мне Диего, продолжая заламывать руку человека, который кривил лицо и изо всех сил старался не стонать от боли. – тут молодой человек интересуется вашим мнением. Что скажете? Но хорошенько подумайте, ведь вы не желаете ничьей смерти.

Я только теперь опомнилась. Отстранившись от стола, шагнула вперёд и стиснула кулаки.

– Пошли вон отсюда, оба! – рявкнула так, что и тот и другой замерли, позабыв о схватке. Похоже, Борджес от меня такой дерзости не ожидал. Фердинанд так совсем опешил.

– Вон, я сказала! – топнула от злости ногой. – Распетушились петухи! Вы вообще понимаете, что творите?! Или для вас репутация честной женщины – пустой звук?! Мне было бы плевать, кто вы, плевать на разницу статусов, если бы вы вели себя по-человечески! Я просто хотела сделать вам подарок за помощь, сеньор Фердинанд, и не знаю, чего вы там себе придумали про мужчину с женщиной за закрытыми дверями! А вы, сеньор Диего? Кто вам дал право затевать здесь драку?! Или привыкли к безнаказанности? Так вот, отвыкайте! На фабрике, будьте любезны соблюдать мои порядки! Хотите драться, выходите за калитку и делайте, что вам вздумается. А здесь это запрещено уставом!

Выставила палец в направлении двери, чтобы уже точно все всё поняли.

Да, разошлась, аж не остановить. И ведь я понимала, что слегка перебарщиваю, но не могла смолчать. Во-первых, они меня и впрямь разозлили, во-вторых, только так была возможность предотвратить кровопролитие, ну а в-третьих, теперь маячила смутная надежда, что Диего меня оставит в покое. Хотя бы на время.

Долго пребывать в растерянности этот мужчина не умел. И всё же мелькнувшая в его взгляде досада больно уколола. Не хватало, чтобы он решил, что я считаю себя выше него по каким-то там выдуманному закону родословных и фамильных гербов. Не считаю, конечно. Просто хотелось встряхнуть баламута.

С достоинством выдержала его взгляд. Оттолкнув от себя противника, Диего развернулся и вышел из кабинета.

Фердинанд устоял на ногах. Коротко и немного виновато кивнув мне, не поднимая глаз и не говоря ни слова, он сгрёб свои вещи и пошёл следом за Диего.

Поймала себя на мысли, что мне совершенно всё равно, что подумает обо мне этот человек. А ведь что-то в нём зацепило меня. Но ровно до тех пор, пока не явился Борджес и не поглотил своей персоной всё моё внимание.

Вот как у него это получается?!

Подошла к круглому окну и остановилась с краю, прижимаясь к раме плечом. Я недоумевала, почему всё получается именно так, и чем я заслужила все эти испытания. А когда через минуту моему взору предстали мужчины, сбегавшие по одному со ступеней главного входа, напряглась.

Что, если они действительно подерутся? Я бы этого не хотела. Ляпнула тогда, не подумав.

Диего шёл первым, широко шагая, а когда он также стремительно остановился возле калитки, и к нему приблизился Фердинанд, моё сердце вновь заколотилось быстрее, чем следовало. Пират обернулся.

Издали мне было не видно, что именно происходит, но я понимала, что мужчины разговаривают, и молилась лишь о том, чтобы их перепалка не вылилась в поножовщину. Даже ноготь закусил от волнения.

Не знаю, сколько времени прошло, но когда Диего махнул рукой и несколько раз похлопал Гаспаро по плечу, я ахнула, решив поначалу, что драке всё же быть. Но когда оба повернули головы и уставились в окно, сквозь которое я наблюдала за ними, захотелось возмутиться.

Борджес что-то говорил Фердинанду, тот слушал, все больше хмурясь и продолжал смотреть прямо на меня до тех пор, пока рывком не отпрянул от соперника и не рванул вон с территории фабрики, не оборачиваясь.

Захотелось выбежать и вытрясти из Диего всё, что тот наговорил, потому что я могла лишь догадываться и ужасаться. Между нами уже столько всего произошло, и столько всего этот тип мог рассказать обо мне, что делалось страшно. Но я бы не успела. Разве что, если бы срезала путь через окно. Одарив меня победоносной улыбкой, корсар отдал мне честь на солдатский манер, развернулся и тоже вышел, удаляясь по тротуару.

Я лишь бессильно прорычала.

– Мадам? – осторожный голос Мартина заставил прервать полёт фантазии о всевозможных красочных способах расправы над пиратом, будь он неладен. Заноза самая настоящая!

Я обернулась и только теперь вспомнила про странный подарок, который так и остался лежать на полу. Присев на корточки, Мартин исследовал шкуру.

– Мадам, – повторил он, изумлённо, – откуда это у вас?

– Диего принёс, – я нервно потёрла переносицу. – Эта тварь пыталась убить нас. История длинная, Мартин. Прошу, можно я как-нибудь потом расскажу её.

– Как вам будет угодно, сеньора. Вот только вы уверены, что сеньор Борджес именно подарить её вам решил? Не продать, а подарить.

Я настороженно оглядела мужчину.

– Дорогой Мартин, если эта шкура такая ценная, давайте мы её лучше обратно сеньору Диего отправим.

– Боюсь, она не доедет к нему, и её обязательно украдут. Шкура арданитас очень ценная, мадам. Ею торгуют контрабандисты. Животные осторожны и крайне редко попадаются охотникам.

Я с жалостью посмотрела на недавнего свирепого хищника.

– Это на самом деле очень печально, Мартин. – Но что толку со шкуры одного зверя? Мы не сможем ни пряжи с него взять достаточно, ни шубу сшить. Разве что крохотную накидку. А делать из него коврик или вешать на стену я отказываюсь категорически. Даже слушать не хочу.

– Сеньора! – изумлённый мужчина схватился за сердце. – Пресвятая с вами! Какую накидку? Какой коврик?! Эта шерсть делает тайное явным.

Мотнула головой.

– Не понимаю.

– Существует поверье, что шерсть арданитас наделяет способностью читать мысли других людей. Вот подумайте о чём-нибудь.

Я лишь бровью повела, когда Аньоло с благоговением запустил ладони в лоснящуюся шкуру зверя.

– Ну как? – спросила я.

Целую минуту Мартин глядел на меня, преисполненный энтузиазма. Но вскоре вернулся с небес.

– Не расстраивайтесь, – я опустилась рядом с ним на корточки. – Мы обязательно придумаем что-нибудь. Полагаю, Борджес не сильно обидится, если мы продадим шкуру. Деньги нам нужнее.

Я тоже коснулась шерсти, желая ещё раз посмотреть на серебристые переливы, но замерла вдруг и насупилась.

– Вас он точно не убьёт, добрейшая сеньора. Разве что от ревности. Этот бандит влюблён как мальчишка.

– Что? – спросила я, не веря ушам.

– Что? – ответил мне Аньоло вопросом на вопрос. – Я ничего не сказал.

Глава 5

«Чертовщина. Это какая-то чертовщина» – размышляла я, когда, скрутив шкуру зверя и обмотав её бечёвкой, спускалась в подвал. Что-то подсказывало, мне нужно спрятать эту шубу, пока она не доставила проблем. И зачем Борджес принёс её?!

Нет, объяснение всему можно найти. Всему, кроме светящегося кольца, которое кануло в неизвестность, и шкуры, умеющей читать мысли!

Я прижалась плечом к кирпичной стене, пытаюсь усмирить головокружение. Всё, решено. Сейчас я просто спрячу её, а потом верну Диего! Точно. Не нужны мне его подарки. Тем более такие. Ишь ты, прямо первобытный охотник. Явился самку покорять шкурой убитого медведя.

Я грустно усмехнулась собственным мыслям, качая головой. Борджес и впрямь походил на дикаря, и ему совсем не требовались для этого шкуры. Такой естественный в своей дикости. Незлой, нет, даже наоборот. Вот только прямолинейный до чёртиков и безжалостный, когда прёт напролом к своей цели.

Меня всё ещё волновало, что именно он сказал Фердинанду. Неужели, какую-нибудь гадость про меня? Но вряд ли что-то хорошее.

Крепче сжав свёрток, я обняла его обеими руками. В ту же секунду мне послышался шёпот.

Замерла, не веря собственным ушам. Мотнула головой. Но как только решила, что это мне мерещится, звук раздался вновь, и, казалось, стал ещё ближе.

– Кто здесь? – я начала оглядываться, пытаюсь увидеть в темноте преследователя. Больше не казалось, шёпот был вокруг меня, совсем рядом и обволакивал, вызывая мурашки. Вот только источника звука я не видела.

– Марлен, – с трудом расслышала сквозь шелест звуков своё имя. – Марлен, сюда.

Будто поток воздуха скользнул по щеке, заставляя голову повернуться вглубь тёмного коридора, и я медленно повиновалась, приближаясь к мрачному повороту.

Пройдя его, я увидела перед собой тупик. Он заканчивался сплошной кирпичной стеной, но что-то внутри меня подсказывало: не всё так просто.

– Иди, – голос вливался мне в уши, тогда как я уже плохо понимала, что делаю. Меня будто загипнотизировала какая-то неведомая сила, чья-то воля, которой трудно было не подчиниться.

Шум в голове становился всё более тревожным и пугающим, но я не боялась, а когда, потеряв ощущение пространства, ослабила руки, и из них выпал свёрток, всё затихло.

Когда схлынул морок, я недоумённо уставилась на стену. Меня больше никто не звал, и я всерьёз не понимала, зачем пришла сюда.

Громко выдохнула, вздрогнув от потоков эхо, побежавших вдоль стен в ответ на мой стон.

Так, всё. Я сейчас просто отыщу здесь какую-нибудь подсобку и оставлю в ней шкуру. Просто оставлю и уйду.

Но как только я снова прикоснулась к свёртку, едва не упала на ровном месте. Голову вдруг сдавило так, что я отшатнулась к стене и сама не заметила, как упёрлась локтем во что-то подвижное. Плита вздрогнула, а затем медленно, с хрустом и грохотом стала отъезжать в сторону. Точно, как тайный ход из кабинета Карлоса.

Следила за движением стены, оцепенев от напряжённого ожидания. А когда передо мной отворился пустой проём, застыла на месте. Мне открылась круглая в основании комната, в которой почти ничего не было видно в связи с отсутствием окон. Но привыкшие к темноте глаза, всё же различили в какой-то момент пьедестал посреди круга, а вдоль стен огромные факелы, закреплённые в железных кольцах.

Я нерешительно прошествовала в комнату, опасаясь, как бы дверь за моей спиной не начала закрываться необъяснимым образом. Ну да, любила я одно время фильмы про Индиану Джонса. Надо же. Никогда бы не подумала, что сама стану вот так расследовать необъяснимые тайны и мистические загадки истории.

Хруст мелких камней под подошвой туфель казался мне оглушительным. Хотелось вообще не издавать звуков, чтобы не привлекать ничьё внимание, хоть в подвале и не было ни души. Но ведь кто-то разговаривал со мной, кто-то призывал явиться сюда.

Зачем?

Я покосилась на свёрток, брошенный у порога, и как бы ни сопротивлялся мой ум очевидному, я не могла не признать: кое-что из происходящего в Тальдаро не поддавалось логическому объяснению.

К примеру, шерсть арданитас. Она говорила со мной. Точнее, воспроизводила некие звуковые волны, преобразуя в импульс мысль живого существа или... Или зов духа.

И снова стало холодно, а по коже побежали мурашки. Объяснила себе, называется, понаучному. Успокоила! Но ведь был голос, и слышала я его, только пока шкуру в руках держала.

Так что теперь? Не притрагиваться к ней? Оставить здесь? И где, здесь? Что это вообще за зал такой?

Когда глаза окончательно примирились с темнотой, меня ожидало новое неприятное открытие. Весь пол в комнате усеивали узоры, вырубленные в камне. Они переплетались в замысловатые фигуры, расходились на множество линий и сходились в одну, но все вместе образовывали круг по периметру пьедестала.

Я не в силах была отвести взгляд. И с каждой минутой всё острее осознавала: где-то уже видела эти рисунки.

Присела на корточки, вглядываясь в замысловатые изгибы, нерешительно протянула руку, коснулась края и уткнулась взглядом в начало рисунка.

Широкая ложбинка начиналась прямо под пьедесталом, наводя на неприятную мысль. Судя по всему, нечто должно было стекать с него, заполняя дорожки этих каменных вен.

Почему вен?

Неужели...

Рука сама собой отдёрнулась.

Нет! Этого не может быть! Здесь что, совершали жертвоприношения?!

– Мадам? – тихо позвал кто-то, вырвав вопль из моей груди. После всех открытий дня нервы сдали окончательно.

В тёмной фигуре, застывшей в проёме, я с трудом различила Мартина. Прижав руки к лицу, прижалась спиной к каменному постаменту и медленно сползла с него, усаживаясь на корточки.

Через час вся административная верхушка фабрики исследовала жуткий зал, о котором, как выяснилось, не знал никто.

Мартин зажёл факелы, тогда как Лукас уже изучал рисунки. А мы с Беллой нерешительно осматривались. При свете ясно стало, что когда-то здесь имелись подвальные окна с полуовальными сводами, но их заложили по вполне ясным причинам.

Диковинные символы имелись и на стенах. Нечто вроде рун или замысловатых иероглифов располагались в пространстве между громоздкими кронштейнами. И в свете огня, озарявшем пространство, зал выглядел ещё более зловещим.

– Не похоже, что здесь кого-то приносили в жертву, – заключил Лукас, поднимаясь и отряхивая руки. – Следов крови нет. Но выглядит жутковато.

– Не то слово, – поддержал его Мартин. – Надо же. А ведь этой комнаты даже на плане нет.

– И что же там вместо неё? – спросила я.

– Честно говоря, я никогда не вникал. Сюда никто не заходит. Для хранения подвал слишком сырой, для работы – тёмный. Я всегда считал, что это лишь часть фундамента, ну и место для водостока. А всё вон как вышло на самом деле.

Белла подошла к нему и проговорила с дрожью в голосе:

– Здесь точно призывали злых духов! Я слышала, как донья Ромирес – жена хозяина трактира на нашей улице – рассказывала, что не все поклоняются Пресвятой. Есть люди, которые тайно проводят запрещённые обряды, обращаются к силам зла за помощью, расплачиваясь с ними кровью и душами, – при последних словах голос девушки сорвался на шёпот. Она вцепилась в руку мужа, озираясь по сторонам и ожидая чего-то страшного от стен и рисунков.

– Не думаю, что от этих самых сил зла есть какой-то толк, Изабелла, – попытался смягчить напряжение Лукас. – Иначе мы бы давно жили в мире, полном несчастий и бед. Уверен, если кто и пытался проводить здесь ритуалы, у него ничего не вышло.

Мужчина улыбнулся. Но я чувствовала, что он напряжён и слабо верит собственным словам.

– Одно ясно, – сказал Мартин, – здесь давно никого не было. И, судя по всему, лишь ваш муж, сеньора Салес, и его отец могли бы что-то нам рассказать. Но увы.

Я кивнула.

– В таком случае предлагаю поскорее уйти отсюда и забыть всё это. Может быть, позже мы отыщем применение и этой площади. Но для начала закончим с более насущными делами.

Так мы и сделали. С тех пор всякий раз, когда разговор, так или иначе, касался комнаты в подвале, каждый из нас уводил взгляд и пытался сменить тему. Мы не могли не думать о том, что видели, а я ещё и о том, что слышала.

О возможностях шкуры арданитас никому не стала говорить. Но во избежание новых неприятностей, больше не прикасалась к ней и, оставив подарок Диего в жуткой комнате, вернулась к земным заботам.

Нам нужны были швеи. Более того, нам требовалось подружить персонал с машинками. Но большинство из оставшихся на службе барышень отказывались садиться за колесо, а потому чаще всего пользовалась новой техникой я, пренебрегая другими заботами.

К счастью, вскоре к работе вернулись женщины дома Торино, которым из-за ухода за малышом разрешалось выходить в свободном графике. Ещё больше я обрадовалась, когда Лаура, прослушав инструктаж, сменила меня за машинкой и ловко втянулась в процесс. Наблюдая за ней, дочь тоже освоила агрегат, и я не могла не рассылать хвалу небесам за этих смелых женщин.

Но двоих швей, хоть и согласных с прогрессом, всё же было недостаточно. И, сговорившись с Лучано Пьезоро о поставке ещё трёх машин, я собрала помощников на внеплановое совещание.

– Сегодня же пойду в ратушу, – заявила я, когда мы расположились у меня в кабинете. – Нужно заканчивать с оформлением удостоверений для девочек.

– Но они ещё не скоро вернутся к работе, даже если всё получится. Сами знаете, как это у нас бывает. То что-нибудь потеряют, то не тем числом бумаги заверят.

Я устало потёрла переносицу. Ох, Мартин, дорогой, так бывает не только у вас, к сожалению.

– Что же делать? – задала вопрос, который пугал меня больше всего. – У нас неделя до сдачи заказа госпиталю, и мы рискуем репутацией, которую с таким трудом восстановили.

Не дождавшись ответа, я поднялась и подошла к окну. В тишине, окутавшей кабинет, слышно было лишь шуршание юбки моего любимого платья. Лукас столько раз предлагал мне сшить ещё что-нибудь, но я влюбилась в это простенькое чёрное с бордовыми вставками великолепие из прежнего гардероба Марлен. Его сдержанные цвета и строгий крой не отвлекали от размышлений. И я буквально срослась с одеждой, ставшей для меня второй кожей.

Мне не спешили отвечать, потому что ни Мартин, ни Белла не знали ответа на этот вопрос. Ресурсы были исчерпаны. Все, кроме одного. Но и тут не всё было однозначно.

– Мартин, – начала я, не оборачиваясь. – У меня есть одна мысль, но я не уверена, что она вам понравится, – обернулась, в последний раз принимая решение рубануть с плеча. Супруги Аньоло глядели на меня со смесью тревоги и интереса в глазах.

Секунда.

Сомнение.

Решимость, твёрдая как никогда.

– Если это поможет нашему делу, – начал было Аньоло, пожимая плечами.

– Поможет. Или погубит его, – сказала я, грустно улыбнувшись. – Мне потребуется ваша помощь, Мартин. И я очень надеюсь, что ваша прекрасная супруга всё поймёт. Собирайтесь, мы отправляемся в бордель.

Глава 6

– Мадам, вы, должно быть, не понимаете, как это опасно, – твердил Аньоло, когда после долгих уговоров мне, наконец, удалось его сломить.

– Понимаю. И именно поэтому я обратилась к вам с Лукасом. В вашем присутствии никто не скрутит меня и не запрет в тайной комнате на утеху матросам.

– Марлен! – ахнул Лукас, шедший от меня по другую руку. – Так давно не делается! В заведениях подобного типа соблюдаются строгие порядки.

– Да ну? А тебе это откуда известно? – я с трудом удержалась от улыбки, увидев, как зарделись после моих слов щёки модельера. – Прости, дорогой. Я сама нервничаю, поэтому говорю глупости.

– Так может быть, передумаем? – Мартин взял меня под руку, останавливая и пытаясь вразумить. Но мы уже спустились на пристань и, более того, прошли то самое злополучное место, где обитали грузчики. А впереди уже виднелся фасад трёхэтажной постройки с завешенными плотными шторами окнами. Бордель утопал в пространстве между широкими и невысокими ангарами, стараясь быть неприметным, но именно туда изо дня в день тянулись нестройные вереницы мужчин в потёртых одеждах, и воркующие парочки.

Пришлось задержаться, чтобы не привлекать внимания, когда к крыльцу подкатила дорогая повозка, откуда с невозмутимым видом вышел главный судья и, взбежав по лестнице, скрылся в недрах дома греха.

Мартин и Лукас глянули на меня в последний раз, ещё на что-то надеясь. Но я была непреклонна. Требовалось хотя бы попробовать.

Они озирались по сторонам, как два нашкодивших мальчишки, когда, чуть отставая от меня, вошли в гостеприимный холл борделя. Я не могла не умиляться им, ведь сразу стало ясно: ни Мартин, ни Лукас никогда здесь не бывали, что делало им честь.

Я не ожидала, но внутри бордель оказался заведением довольно приличного вида. На первый взгляд. Вскоре я оценила безвкусицу, с которой подошли к оформлению интерьера хозяева. Мебель с вышивкой, будто бы пожертвованная в одном-двух экземплярах от неких зажиточных горожан, соседствовала с пестротой обоев. Шторы на окнах хоть и красиво драпировались, но то и дело на них мелькали блестящие украшения, словно кто-то пытался по-новогоднему наскоро украсить помещение. На первом этаже окна эти не были закрыты, позволяя прохожим видеть заманчивую картинку.

Имелась здесь и небольшая сцена с занавесом, и окажись на моём месте мужчина в расцвете лет без строгих моральных принципов его бы сея легкомысленная картинка зацепила. Я же от зрелища приходила в уныние.

То тут, то там на диванчиках и креслах восседали женщины в откровенных нарядах. Из-под глубокого декольте выглядывало розовое или белое кружево сорочки, стянутой корсетом платья с не очень длинной юбкой. Точнее, кое-где длина юбки всё же соблюдалась, но спереди подол был настолько короткий, что виднелся край ажурных чулок, особенно когда чаровница с обнажёнными плечами закидывала ногу на ногу в игривой позе.

К моменту нашего появления в стенах этого дома в холле находилось три женщины. Они явно скучали. Но как только увидели мужчин за моей спиной, заулыбались дежурно и также дежурно приняли соблазнительные позы.

Без лишних слов было ясно, что они устали и, скорее всего, даже глаз не сомкнули после бурной ночи, незаметно перешедшей в утро.

Косметика безуспешно скрывала переутомление и возраст. И сколько бы тона ни наносили на свои лица женщины, тёмные круги под глазами предательски приступали сквозь него.

Одна из девушек поднялась и, улыбаясь Мартину, пересела к нему поближе. Тот даже испугался, отойдя на шаг. Понять его было несложно. Он боялся не провокации себя как примерного семьянина, а последствий пребывания в месте, полном неприятных и даже опасных заболеваний. Почему-то я уверена была, что женщин этих никто не проверял должным образом.

Главный судья давно скрылся за блестящей шторкой коридора на втором этаже вместе с выбранной им дамой, и, проводив их взглядом, я испытала неловкость.

– Добрый день, сеньоры, – мы разом обернулись на голос. Уж не знаю, что почувствовали в тот миг мои спутники, но я ощутила несоответствие. Голос был не то чтобы старческим, но каким-то тяжёлым и хриплым, как у матёрого курильщика. Принадлежал он, как оказалось, даме, и даме довольно приличного вида.

Мартин едва ощутимо коснулся моей руки, стараясь не привлекать к себе внимания, и я сразу поняла, что передо мной управляющая этого дома грехопадения, куда мне волей судьбы пришлось затащить мужчин с безукоризненной репутацией. Но мы ведь договаривались работать в команде. Значит, придётся потерпеть неудобства.

Я шагнула к полукруглому столу, напоминавшему типовую стойку администратора в моём мире. Вот только вместо молодой, симпатичной секретарши за ней восседала на высоком стуле женщина, возраст которой нельзя было определить из-за обилия косметики, покрывавшей лицо.

Приходилось быстро соображать и делать выводы, потому что чем дольше я оставалась здесь, тем тревожнее становилось на душе. Бандерша – вероятнее всего, опытная в прошлом куртизанка, отошедшая от дел – теперь занималась борделем. Владела она им или выполняла роль управляющей, мне ещё предстояло выяснить.

– Добрый день, мадам Селести, – заговорила я улыбнувшись. – Меня зовут Марлен Салес. Я пришла к вам по одному очень важному делу.

Прежде чем ответить, мадам, скривив в лёгкой ухмылке тонкие губы, изящным движением подхватила со стола длинный мундштук с заправленной в него папиросой и, качнувшись вперёд, дала понять, что ждёт огня.

Первый среагировал Лукас. И когда он довольно неуклюже поднёс женщине спичку, пару раз едва не выронив из трясущихся рук коробок, она проговорила:

– Триста песо.

Я смысла в её словах не уловила. Но когда вперёд выступил Мартин и заговорил с жаром, едва со стыда не сгорела.

– Мадам, мы не намерены снимать комнату, – поспешил он всех нас оправдать. – Сеньора пришла к вам с деловым предложением. И прошу вас, выслушайте её.

Я успела лишь опомниться и раскрыть рот, чтобы начать подготовленную речь, когда в распахнутые двери с шумом ввалилась весёлая компания подвыпивших мужчин.

– Селести! – с хохотом грянул один из них – широкий в плечах, коренастый бородач. – Как же я скучал, дорогая моя Селести!

Нам пришлось отойти, чтобы не оказаться прижатыми к стойке.

Мужчина, названный Рикардо, по-свойски расцеловался с сутенёршей и принялся, не стесняясь выражений, рассказывать, что он, пережив множество невзгод в своём путешествии, только что сошёл с судна, и ему до зарезу нужно расслабиться. Захотелось уйти. Ещё больше уйти захотелось, когда один из его сопровождающих нахально заулыбался, раздевая меня глазами. Точнее, одним целым глазом.

Бородач обернулся, заметив интерес товарища. Опершись на стойку, он спросил, потирая усы, под которыми угадывалась нехорошая улыбка:

– Смотрю, у тебя прибавление, дорогуша. Неплохо. Девочка что надо. Жаль, что занята.

– Да как вы смеете?! – не выдержал Лукас. – Немедленно извинитесь перед сеньорой, или я заставлю вас поплатиться за свои слова!

– И как ты собираешься это сделать, задохлик? – мужик расхохотался, скрещивая на груди руки. Его свита, у которой, судя по азарту, загоревшемуся в глазах, руки чесались начать кому-нибудь физиономию, выступили вперёд.

– Он не то имел в виду, – вмешалась я, закрывая собой смелого защитника моей чести. – Давайте забудем это недопонимание. Отдыхайте, сеньоры, мы зайдём в другой раз.

Я подхватила Лукаса под руку и уже готовилась тащить его к дверям, проклиная себя за дурацкую идею, как вдруг один из мужчин схватил модельера за ворот и отшвырнул, заставляя рухнуть в ноги сидевшей на мягком стуле куртизанки. Та взвизгнула и очень проворно отскочила.

На шум из коридоров по обе стороны холла показалось несколько фигур в таких же откровенных платьях. Они с оловянным, нездоровым интересом разглядывали сцену, будто не было никакой опасности, а всё происходящее – не более чем постановка в театре.

– Нет уж, парень, – Рикардо что-то вынул из-за пояса и стал наступать на распластавшегося по полу Лукаса, – раз уж ты начал угрожать, отвечай за свои слова.

– Прошу, не трогайте его! – взмолилась я. – Он не желал вам зла!

Бородач оттолкнул меня, и я бы точно упала, если бы Мартин не поймал.

– Сейчас этих двух отмутузим, и девка наша, – заявил с усмешкой один из помощников бородатого.

Все трое зло заулыбались, а я ощутила, как Мартин сжал мои плечи. Стало ясно, что он готовился к драке. Такое уже бывало, и тогда умения Аньоло спасли жизнь Изабелле. Вот только теперь мы были не на улице, а в месте, где царят свои порядки. И что-то подсказывало мне, Мартин мог не справиться.

Он успел лишь вынуть трость и сделать шаг в направлении смутьянов, как вдруг голос Селести заставил его остановиться.

– Довольно, – сказала женщина, поднимаясь из-за стойки. – Рикардо Сардо, тебя ведь уже предупреждали и не раз: хочешь драться – иди в трактир или на улицу. Здесь это неприемлемо.

Превозмогая себя, смутьян остановился и, сопротивляясь собственной одичалой природе, вложил нож обратно в чехол на поясе. Его помощники тоже присмирели и с виноватым видом уставились на бандершу.

– Так-то лучше, – довольно проговорила она. – А теперь идите, мальчики. Софи, Рональда и Виолетта обслужат вас.

Женщина пару раз щёлкнула пальцами, и из-за шторы, прикрывавшей, словно занавес, вход в коридор, появились две девушки. Третья – та самая, в чьи ноги упал несчастный Лукас – также покорно поднялась и, виляя бёдрами, подплыла к троице. Женщины улыбались. Но я не могла не видеть пустоты в их взглядах и лишённых жизни выражениях лиц.

Переключившись на куда более приятные мысли, мужчины разом позабыли о нас. Как только вся компания скрылась под возгласы матросов и женский смех, Селести, которая всё это время снисходительно улыбалась, посуровела.

– Я не знаю никого из вас, сеньоры, – начала она угрожающе тихо, – но вы уже успели создать мне проблемы. Говорите немедленно, что вам нужно, или выметайтесь.

Наилучшим решением было не затягивать нашу и без того затянувшуюся встречу. А потому, собрав в кулак всю решимость, на какую была способна, я подошла к стойке и заговорила так, чтобы слышать меня могла только Селести:

– Я хочу выкупить часть ваших женщин.

– Что? Это шутка? – она пренебрежительно изогнула губы.

– Нет, не шутка. Я владею швейной фабрикой, и недавно моё предприятие пало жертвой нового закона. Теперь нам не хватает работниц. И, надеюсь, вы понимаете, что если бы не крайняя необходимость, я бы не пришла к вам.

Селести хмыкнула.

– Вы не осознаёте, о чём говорите, мадам, – сказала она. – Честно вам скажу, приди вы в час пик, я бы сразу вас выгнала, но так уж и быть раскрою вам глаза на элементарные вещи, которых вы, видимо, не знаете. Бордель – не биржа. Это первое. Второе: все женщины здесь на службе у государства и под охраной сеньора Адриана Фернандо – главного судьи. У них прекрасные условия, достойный оклад, есть выходные, кормят, опять же, бесплатно, предоставляют жильё. А теперь подумайте, станут ли мои девочки менять эту сытую жизнь на служение вам? Что вы можете им дать?

На миг я остолбенела, поражённая её цинизмом.

Она что, говорила это всерьёз? То есть относительное благополучие в обмен на ежедневное унижение – лучше, чем должность швеи на предприятии?

– Они сами к нам приходят, сеньора, – продолжала женщина, с некоторой ленцой заправляя в мундштук новую папиросу. – Сейчас уже не те времена, чтобы к нам приводили неугодных жён или любовниц, чтобы продавали дочерей за долги отцов. Мы живём в цивилизованном мире, за что каждый день благодарим дорогого сеньора Фьезоло, Фернандо и, конечно, Борджеса. Никогда ещё в Тальдаро так не заботились о простых людях.

Она с наслаждением затянулась и медленно выпустила дым. Я же не без усилия убила гнев. Ясно, что эта женщина живёт в своих узких представлениях о том, что правильно, а что нет. Или, что ещё хуже, всё прекрасно понимает и оправдывается гнусным убеждением «Деньги не пахнут».

– Селести, – начала я, сопротивляясь желанию высказать ей всё, что думаю, и пытаюсь говорить на одном языке, – у вас ведь наверняка есть женщины, содержание которых не окупается. Мужчинам они неинтересны или, возможно, их донимают какие-то хвори.

– Нет, – решительно оборвали меня. – Всех девочек регулярно осматривают врачи, и, поверьте, мы принимаем далеко не каждую. Если я не вижу потенциала, то отказываю претендентке. У нас строгий отбор.

«Отбор» – мысленно повторила я и ужаснулась.

– И как часто к вам приходят в поисках работы?

– В последнее время всё чаще, благодаря тому самому новому закону, который вы упомянули. Мы ведь оформляем всех официально.

– А уйти они могут?

– Нет. Точнее, могут, конечно, но не скоро. Попадая сюда, она подписывает договор на десять лет, и уйдёт, только если я по каким-то причинам решу её отпустить раньше срока. Но такое бывает редко. В основном, если девушка, к примеру, решает выйти замуж. Я ведь не зверь, и всегда готова войти в положение.

Как-то давно я читала у Ремарка в одной книге о времени после первой игровой, что из проституток получают прекрасные жёны. Не потому, что они знают, как ублажить самые гадкие и непристойные требования мужа. Они становятся верными спутницами, прекрасными хозяйками и хранительницами очага, потому что очень хорошо помнят свою жизнь до брака и не желают возврата к ней. Теперь же эта прожжённая торговка человеческими телами стояла и доказывала мне, как прекрасно у них здесь всё устроено, и что женщины, настороженные взгляды которых я ощущала спиной, никогда не откажутся от той чудесной жизни, какую она им создала.

– Вы позволите мне поговорить с ними? – спросила я.

– Зачем это? – Силести нахмурилась.

– Чтобы предоставить выбор. Вам нечего бояться, если всё так, как вы говорите, и ваши женщины любят свою работу. Но у меня, как я уже сообщила, сложная ситуация, требующая решительных мер.

Притворная любезность разом схлынула.

– Нет, я запрещаю вам разговаривать с ними, – Селести отточенным движением бросила истлевшую папиросу, и та приземлилась в пепельницу. – Только я знаю, что лучше для них. Я и достойнейшие из сеньоров Тальдаро. Так что вам лучше уйти.

Я не успела ответить. И лишь открыла рот, как вдруг кто-то другой смело озвучил мои мысли:

– Тяжело работать, когда твой начальник узколобый самодур. Так о чём же вы хотели поговорить с нами, мадам? Я вас внимательно слушаю.

Глава 7

Я обернулась. За моей спиной стояла высокая, стройная девушка с непослушными рыжими кудрями, которые наскоро собраны были в небрежную причёску. На вид ей было не больше двадцати лет, а в бойкости она не уступала какому-нибудь дворовому заводице из подростковой шайки хулиганов. Не сразу я поняла, кого она мне напоминает, а когда вспомнила толпу беспризорников бедного квартала, многое встало на свои места.

– Закрой рот, чертовка, если не хочешь, чтобы Пьер снова высыпал тебе плетей! – процедила сквозь зубы бандерша. Теперь, когда она не скрывала эмоций и гневно хмурила лицо, стало ясно, что ей не меньше шестидесяти лет.

– Не всыпет, – бесстрашно ответила девушка. – Сегодня возвращается сеньор Марко, и если он увидит синяки на моём теле, у Пьера будут проблемы. Да и у вас, – рыжая смерила хозяйку пренебрежительным взглядом и облокотилась на стойку.

Я видела, как с появлением девушки замерли и притихли другие обитательницы борделя. Даже мои спутники, которые всё время были рядом и старались не отступать, вытянулись как солдаты на плацу. Им было здесь очень неуютно. Казалось, даже больше, чем мне. Оно и ясно. Роль мужчины, явившегося в бордель, predetermined. И, стоя здесь без намерения хорошо провести время, оба не могли не вызывать вопросов у окружающих.

– Убирайся, дрянь, – ещё более гневно зашипела Селести. – Спишь каждый день до обеда, вот и продолжай. Всё равно не нужна никому, только репутацию нам портишь.

Я опомнилась.

– Подождите, – прервала я гневную тираду, за что тут же получила свою порцию ненависти, – вот об этом я и говорила. Если эта милая девушка причиняет вам хлопоты, позвольте мне пообщаться с ней. И с другими, кто доставляет борделю неудобства. Зачем вам лишние проблемы?

– Вас никто не спрашивал, сеньора! Убирайтесь вон!

Я сдержалась, чтобы не отступить под её прожигающим взглядом. Когда мне на плечо легла рука Мартина, намекая, что лучшим решением было бы бежать отсюда и как можно скорее, чтобы ненароком не познакомиться с Пьером, рыжая снова заговорила:

– А я вас помню, сеньор, – она склонила голову набок, ловя взгляд Мартина, готового провалиться сквозь землю от стыда. Мне и самой стало интересно, откуда сие прелестное создание может знать Аньоло. – Вы привозили нам платья для кабаре в прошлом году. Кстати, неплохие платья, надо сказать. Я до сих пор танцую в своём. Иногда только подшиваю по мелочи. Но это ерунда.

– Вы умеете шить? – оживилась я.

– Мне пришлось здесь многому научиться. Настоящая школа жизни, – девушка с нескрываемой усмешкой уставилась на Селести, которая готова была взорваться. Она вдруг размахнулась, намереваясь отогнать рыжую. Но та оказалась ловчее, и женщина зашипела от боли, ударив пальцы о жёсткую столешницу.

– Как вас зовут? – спросила я девушку.

– Роза.

– Скажите, Роза, вам здесь нравится?

Она вдруг округлила свои большие зелёные глаза и ответила со смехом:

– Ну вы даёте, мадам. Да кому же здесь может нравиться? Мы как куклы в магазине. Но нас не покупают, а берут напрокат. Наиграются и ставят на полку. Только одним потом нужно лишь платье немного починить, а других собирают по кусочкам. Правда, если возни много, то как в жизни, сломанную куклу предпочтут выбросить и заменить её на новую.

– Заткнись! – взревела Селести, неуклюже выбираясь из-за прилавка. Теперь только я увидела, что женщина сильно хромает. – Заткнись! Пошла вон! И вы убирайтесь! Пьер! Вышвырни их!

В дверях, откуда мы явились, возник здоровенный детина, похожий на вышибалу. Увидев его, Мартин принял боевую стойку.

Я понимала, что на счету теперь каждая секунда, а ещё, что если ошибусь, плохо будет всем. Но действовать требовалось без промедлений! Я не могла всё так оставить, хоть и не была частью этой прогнившей системы, где бордель с похотливыми клиентами и запуганными женщинами охранялся на государственном уровне, словно больница или школа.

Смолчать было выше моих сил. Пусть затея бесполезна, и я пожалею об этом, но отчаянное положение просто требовало решительных мер. Обернувшись к притихшим женщинам, громко проговорила:

– Послушайте! Я знаю, что здесь вы обеспечены самым необходимым и имеете крышу над головой. Но пришло время подумать о том, чтобы изменить свою жизнь. Какой бы вкусной ни была еда, и чем бы вас ни задабривали, наверняка все вы понимаете, что это не жизнь.

Я обвела взглядом помещение.

– Пьер, гони её! – бандерша готовилась вцепиться мне в глотку. Между мной и приближающимся амбалом оставалось несколько шагов, и, осознавая это, я вдруг сама вскочила с ногами на стойку, чтобы хоть как-то отдалиться от неминуемой расправы. Выпрямившись, заговорила громко и уверенно, не ожидая этого от себя:

– Милые женщины! Я шла сюда, чтобы предложить вам достойную работу взамен на чудовищное существование, какое вы ведёте здесь! Конечно, вы можете быть не согласны и спорить, потому что я не знаю причин, которые вынудили вас сюда явиться. Но поверьте, всегда есть выбор, и пока мы живы всегда можно всё изменить!

Селести схватила меня за ногу. Пришлось отмахнуться, ударив её туфлём, да так, что дамочка отлетела к стене. Пьер был уже совсем близко. Когда и он протянул ко мне ручищи, грозясь согнать с трибуны, то очень неожиданно получил несколько точных ударов тростью, после чего икнул и медленно осел к ногам Мартина. Тот укоризненно смотрел на меня, потирая трость. Но сделать ничего не мог. Я уже разошлась.

– Вы – вещи для всех этих людей, и они ни во что не ставят вас, хоть и окружают мнимой заботой! – продолжила я. – Только вам сейчас решать, на какой путь становиться. Уверена, мадам, – я грозно глянула на изумлённую хозяйку борделя, – примет любое ваше решение, потому что, как она сама мне сказала, старается входить в положение каждого.

– Пьер! – взывала Селести. – Что вы сделали с Пьером?!

– Не беспокойтесь, сеньора, – пояснил Мартин. – Минут через десять он придёт в себя.

– Какого чёрта здесь происходит?! – в зал ворвался мужчина в одном белье, и я сразу распознала в нём судью. – Что за цирк?! Мадам? – он поражённо уставился на меня, тогда как я всё ещё продолжала возвышаться над миром с видом громовержца.

– Вы смеете задавать мне подробные вопросы, и требовать чего-то? – перешла я в наступление. – А вас не учили надевать штаны, когда с дамой разговариваете?! Или здесь это лишнее, сеньор Адриан?!

Хор изумлённых вздохов со всех сторон был встречен раскатистым хохотом.

Я опомнилась. Смеялась Роза. Да так живо и искренне, что я совсем растерялась. Откуда в этом месте взялось такое чудо?

Судья на миг сконфузился. Но когда щёлкнул пальцами, и к нему подскочил лакей с сюртуком, влез в рукава и решил, что с него достаточно.

– Сеньора Салес, – недовольно проговорил он, – Вы зачем сюда пришли?

– Чтобы предложить нам работу, – ответила за меня Роза. – Мы отправляемся на швейную фабрику, господин главный судья. Поздравьте нас. Что скажете, девочки? Только не все сразу. Я первая в очереди за расчётом.

Для полноты картины девушка звенькнула колокольчиком для посетителей, прикреплённым к стойке, за что получила бы по руке от хозяйки, если бы не увернулась ловко.

– Вы обезумели, Марлен?! – гаркнул Адриан. – Спускайтесь немедленно, пока я не приказал арестовать вас и ваших помощников! Спишем всё на отчаяние разоряющейся промышленности. Глупо было назначать вас управляющей.

– Смеею напомнить, вы первый вызвались помогать мне. Но не станем поминать прошлое. Я пришла сюда, чтобы дать женщинам выбор. Они такие же граждане Тальдаро, как котельщики, извозчики и шахтёры. И им решать, чему посвятить свою жизнь: ублажению чужой похоти без права уважать себя за богопротивный образ жизни или сохранению достоинства и чести там, где никто не осудит их за прошлое.

Несколько женщин вопросительно переглянулись.

– Богопротивный? – Еле слышно повторила одна из них.

– Все вы знаете, что Пресвятая не только исцеляла больных, – подхватила я, радуясь тому, что потратила некоторое время на изучение местного писания. – Она ставила на путь истинный заблудшие души, и те благодарили её. Не нужно говорить, что меня привело к вам отчаяние, сеньор Адриан. Я пришла потому, что не могу больше терпеть гнёт и несправедливое отношение к тем, кто бессилен перед вами. Эти женщины в рабстве. Да-да, именно в рабстве. Хоть имеют жильё, доход и мнимую уверенность в завтрашнем дне.

Некоторые из женщин сникли и потупились. Остальные же продолжали смотреть представление, отчего сразу стало ясно, кто оказался здесь совсем недавно и ещё не утратил способности задумываться, а кому уже всё равно, что будет.

Краем глаза заметила шевеление в бесформенной куче, бывшей местным вышибалой. Что ж, пора заканчивать представление.

– Я всё сказала, глубокоуважаемые сеньоры, – криво покосилась на судью. – И если на ваших плечах есть головы, способные не только считать прибыль, но думать и сочувствовать, вы сделаете всё по заветам человеколюбия и здравого смысла. Моё предложение остаётся в силе, мадам Селести. Прощайте.

– Не так быстро, – услышала я голос, от которого всё внутри сжалось. – Как жаль, сеньора Салес, что вы уже закончили, – проговорил остановившийся в дверях Диего. – Похоже, я пропустил очередное представление.

Глава 8

Так и застыла на корточках, принимая руку Лукаса, который намеревался помочь мне слезть со стойки. Сперва испугалась, потому что внезапное появление корсара всегда вызывало тревогу и будоражило. Но через минуту тревога сменилась негодованием.

Он здесь! Борджес, который всё это время добивался моего расположения, явился в бордель и ничуть не стесняется этого! Хотя такому типу стеснение чуждо. Это стало ясно ещё в первую нашу встречу.

С его появлением все, даже Селести, вдруг подтянулись, будто солдаты перед командующим. Некоторые из женщин только теперь поспешили скрыться, а судья сильнее запахнул сюртук на манер халата, всё ещё оставаясь без брюк.

– Цирк, который устроила здесь сеньора Салес, не стоит твоего внимания, Диего, – сказал он. – Это всего лишь вопль отчаявшейся истерички и не более.

Я одарила его взглядом, полным испепеляющей ненависти. Вот же гад. Ну а чего было ожидать? Что он прозреет? Такие люди не меняются.

Подойдя ближе, Диего насмешливо уставился на мужчину и спросил:

– Где твои штаны, Адриан?

От неожиданности тот гневно засопел.

– Какое это имеет значение? Я отдыхал здесь, а эта сумасшедшая явилась и всё испортила! Её охранник избил Пьера!

– Вы только посмотрите, сеньора Салес, – отвечал Диего, не поворачиваясь ко мне и продолжая давить своей харизмой на судью, – вы человеку отдых испортили. Пришли, шумите. А что Пьер? – он указал рукой на парня, который тяжело поднялся, придерживая голову. – Его избили эти двое? – Рука переметнулась к Мартину и Лукасу, застывшим с каменными, посеревшими лицами.

– Один.

– Один?! – Диего расхохотался. Но резко пресёк порыв и, став вмиг привычно хмурым и серьёзным, заявил. – Ты уволен, Пьер.

Парень едва вновь не повалился на пол.

– Сеньор, Диего! – оживилась бандерша. – Пьер всегда был исполнительным и не подводил нас! Прошу, не выгоняйте его!

Корсар смерил её взглядом, вынуждая умолкнуть.

– Ваш сын силен, мадам. Но ему не хватает мозгов. Пусть идёт в грузчики, там от него будет больше пользы. А, вы, сеньора Салес, почему до сих пор здесь?

– К вам у меня тот же вопрос, – вырвалось, прежде чем я подумала о своих словах.

Снова воцарилась тишина, и в тишине этой слышны были тяжёлые шаги пирата, который приближался ко мне своей фирменной походкой, слегка раскачиваясь из стороны в сторону.

Я боялась, что он предпримет. Но Борджес, как всегда, сделал именно то, чего меньше всего от него ждёшь. Он вдруг обхватил за талию Розу и притянул её к себе, не спуская с меня глаз.

– Люблю, знаете ли, заскочить сюда на часок-другой, приятно провести время.

Он ущипнул девушку, и та взвизгнула.

Больше оставаться в этом месте у меня не было ни сил, ни желания. Гневно отдуваясь и проклиная всё и вся за этот дурацкий день, развернулась и зашагала прочь из борделя.

Так и знала! Я так и знала, и глупо было верить в сказку. Этот мужчина не может быть предан ни одной женщине. Он привык менять их, имея по любовнице в каждом порту, где бывал. Но как больно и как гадко на душе, от осознания истины, которую приходится гнать от себя. Диего Борджес не безразличен мне, каким бы мерзавцем он ни был.

– Сеньора!

– Марлен!

Голоса мужчин заставили остановиться. Слишком уж быстро я улепётывала вдоль набережной. Так быстро, что Лукас и Мартин с трудом нагнали меня.

– Простите меня, мальчики, – сказала, когда оба остановились, переводя дух. – Всё было зря, и я сделала только хуже.

Они не ответили, и, поравнявшись, мы пошли к стоянке экипажей, чтобы возвращаться на фабрику. На фабрику, которую я загубила своей инициативой. Но хотя бы попыталась. Адриан был прав, меня подтолкнуло отчаяние, и, если не случится чудо, даже муж мне не поможет.

С трудом удавалось сдерживать слёзы, и они то и дело скатывались по щекам всё время, пока мы тряслись в экипаже. Устав лицедретть моё уныние, Лукас нарушил тишину:

– Я кое-что начал, Марлен, – сказал он, заставляя меня повернуться к нему. – Снял мерки с Магдалины, и мы уговорили некоторых из её подруг тоже поучаствовать. Пришлось сказать, что подарю им платья, иначе они не соглашались.

Я мотнула головой, силясь вспомнить, о чём шла речь.

– Мы ведь хотели попробовать себя в деле производства готового платья. Открыть магазин.

– Ах, да! – опомнилась я. – Но, дорогой, мы теперь как никогда близки провалу, и мне даже страшно представить, что нас ждёт.

– Магдалина сказала, вы подали документы.

– Да, но готовы они будут ещё не скоро.

– Если их вообще сделают, – подлил масла в огонь Мартин.

– Прекрати, – Лукас отмахнулся. – Не нагнетай.

– Я и не думал. Говорю, как есть. У меня возникла идея, мадам, – сидевший напротив Аньоло подался вперёд, ловя мой взгляд. – Раз уж вы закупили машины для швейного дела, почему бы нам не нанять для работы мужчин? Я намерен сегодня же посетить с этой целью биржу.

От неожиданности я не сразу нашлась что ответить. Мужчин? В жизни не видела ни одного мужчины, который работал бы за швейной машинкой. Коля как-то пытался брюки себе укоротить, пока я была в командировке, так потом распарывать пришлось и перешивать.

– Но разве они согласятся?

– А почему нет? Они скорее сладят с машиной.

Вот как тут смолчать? Но пришлось. Не видел Аньоло швейных цехов в моём мире, где трудились десятки женщин, и справлялись ловко. Да ещё и починить умели, если что где из строя выходило. В моём лексиконе даже обозначения мужского варианта профессии швея не было. Швей? Швец? И подсмотреть-то негде.

– Полагаюсь на тебя, Мартин, – проговорила я с благодарностью, когда мы выбрались из экипажа. Звук работающих машин, как и успокоительные речи моих спутников, действовали словно бальзам. Вдруг из ниоткуда снова возникли силы, в голове заплясали идеи. Как же хорошо, когда ты не одна всё тащишь, а у тебя под боком команда верных и преданных людей, которые горят с тобой одним делом.

Всё обязательно будет хорошо. Ну хотя бы просто потому, что мы не складываем лапки и не ложимся в направлении цели, а идём к ней шаг за шагом. Со всем можно справиться, если вместе, если рука об руку.

В цеху кипела работа. За машинками сидели супруга и дочь Торино, ещё три девушки корпели над швейками и, решив не мешать им, я поднялась вместе с мужчинами к себе в кабинет. Там уже ждала меня Белла с множеством бумаг, требовавших подписи.

Расправившись с документами, я заглянула к Лукасу. Не скрою, мне ужасно хотелось разузнать поподробнее, что он придумал.

– Показывай, – потребовала я в ответ на его заговорщический взгляд.

Он знал, чего я от него жду, а потому быстро вынул из-под груды бумаг на столе стопку рисунков, разложил их на свободном участке и довольно улыбнулся.

– Смотри, – проговорил он, указывая на первый в ряду листок, на котором изображено было длинное прямое платье со скромным декольте и закрытыми плечами. Светло-зелёное, оно струилось по фигуре, собираясь пышными складками в области воротника и менее объёмными в зоне бёдер, изящно подчёркивая их. Замысловатая брошь, похожая на морскую раковину, добавляла яркости образу, и в этой картине просматривалась смесь моды времён наполеоновского нашествия, когда дамы надевали платья с высокой талией и прямого кроя начала двадцатого века. Последнему не доставало лишь люрекса и заколок с перьями. Смело – ничего не сказать. Сама бы я не решилась на подобный эксперимент. Но следовало признать: мир, в который я попала, жаждал перемен.

– Это платье для Магдалины, – сказал мужчина, мечтательно поглаживая рисунок указательным пальцем. – Она будет в нём еще прекраснее.

– Мне оно нравится, но осмелится ли Магдилина надеть его?

– О, на этот случай у меня имеется деталь, – Лукас быстро пролистал стопку и, вынув один из набросков, показал мне. – Это не совсем корсет, но если застегнуть на все пуговицы, будет сидеть плотно и создавать эффект утягивания.

Я приподняла бровь. Передо мной был самый обыкновенный жакет, с пуговицами и тонкой, изящной каймой по краю. Но обычным он был для меня, а для моды Тальдаро – настоящий прорыв.

– Покажи ещё, – попросила я, сгорая от нетерпения. И мужчина раскрыл ещё несколько рисунков. Среди них были не только платья. Для дам с объёмными формами, вроде Зоуи, модельер подготовил костюмы с длинными юбками и уже знакомыми мне жакетами или жилетами, которые следовало надевать поверх блузы. Имелись и более привычные образы, но в каждом из них я находила изюминку в виде особенностей кроя, асимметрии и смелого решения убрать панье и позволить юбке быть такой, какой её задумал художник. Мне ужасно нравилось увиденное. Но кое-что немного смущало. Перенос мужского гардероба на женский фасон не каждая дама могла принять с лёгкостью. Требовалась предварительная работа. Пропаганда, так сказать.

– Лукас, – задумчиво проговорила я. – не мог бы ты сшить для меня такую вот... безрукавку? – я указала на нарисованный жакетик без рукавов.

– Безрукавку?

– Ну или жилет. У мужчин ведь есть нечто подобное в гардеробе.

– Да. Но здесь я немного обдумал фасон, и смотреться должно изящнее.

– Так и будет, дорогой. Уверена, женщины оценят твои идеи по достоинству.

– Наши идеи, – мужчина откашлялся с усмешкой. – Отвечать за последствия будем вместе.

На том и договорились. А когда мой желудок напомнил о том, что последний раз я ела несколько часов назад, и то кусок в горло не лез от волнения перед походом в бордель, решено было пойти пообедать. Но не успели мы спуститься с лестницы, двери открылись, и в цех с порога влетел некто шустрый словно ветер с моря.

– Мадам! – девушка в дорожном костюме, с котомкой и в странной шляпе заулыбалась во все зубы, увидев меня. – А вот и мы! Уверена, вы нас ждали!

Я недоумённо нахмурилась.

Девушка обернулась и махнула кому-то. Следом вошли ещё трое. И, уловив, наконец, смутное сходство некоторых лиц с теми, что я видела днём в борделе, я ахнула. Схватилась за поручень.

– Они отпустили нас, мадам, – продолжала Роза, стаскивая шапку и выпуская на волю пышные кудри. – Это всё сеньор Диего, мадам. Ему спасибо говорите. Ну так что, показывайте, как тут у вас шить полагается.

Глава 9

– Не может быть, – прошептала я, не веря глазам.

– Ещё как может, мадам, – Роза усмехнулась, беззастенчиво расхаживая вдоль столов с видом хозяйки. – Сеньор Диего рвал и метал. Уж не знаю, почему, но он был страшно зол, что вы явились в бордель. А когда этот вялый стручок Адриан Фернандо стал поддакивать ему и говорить в ваш адрес грубости, Борджес на него рывкнул так, что, клянусь, я слышала, как задрожали стёкла в окнах.

– Но он ведь собирался поразвлечься, – напомнила я. – Какое ему дело до того, зачем я пришла?

Девушка звонко расхохоталась и, облокотившись на стол швеи, оцепенело замершей с отрезом ткани в руках, продолжила, утирая выступившие слёзы:

– Кто? Диего Борджес? Поразвлечься? Да он к нам только для проверки ходит. Нарушения всякие ищет, а то за мамашей Селести станется. Она повадилась комнаты сдавать в борделе разным сомнительным приезжим, и если бы не давняя связь с судьёй, её бы точно наказали.

– С судьёй?

– Именно, – Роза сверкнула глазами. – В юности Селести была любовницей Адриана, и у неё от него ребёнок.

Лукас, который с не меньшим интересом слушал рассказ, развёл широко руки и вопросительно уставился на девушку.

– Точно, – захихикала она. – Пьер их общий сын. Но это тайна, о которой никто не должен знать.

Она снова рассмеялась. А я, не поспевая за её прытью, лишь качала головой. Опомнившись, поняла, что что-то нужно решать и немедленно.

Нет, я была довольна, что мой план удался, а ещё больше – что Рита оправдала в моих глазах Диего. Вот только меня донимала одна сущая безделица: почему этот невыносимый пират сам не пришёл и не объяснился?!

Ах да, это же Борджес. Он никогда не оправдывается, а извиняется лишь раз в жизни, и мой лимит уже исчерпан, если вспомнить наше совместное возвращение из пещеры Пабло Пьезоро.

– Так, – я устало потёрла лоб. – Хорошо. Значит, вас четверых отпустили?

– Ещё как отпустили! – Рита переглянулась с девушками, которые продолжали сконфуженно прижиматься к двери, теребя в руках котомки. – Сеньор Диего пообещал разнести там всё к чертям, если вам не выделяют швей. Слушайте, сеньора Салес, мне думается, тут одно из двух: либо он вам много денег должен, либо глаз на вас положил.

Кто-то ахнул, и подняв голову, я увидела Изабеллу с Мартином, которые вышли на шум и наблюдали за всем с лестницы. Помощница прижимала к лицу ладони, и неясно было, то ли она поражена услышанным, то ли пытается не засмеяться.

– Если Диего Борджес и должен мне, – сказала я, – то разве что моток новых нервов.

Повернулась к девушкам, которые стояли у двери, и спросила:

– Как вас зовут?

Те испуганно переглянулись. Выступив вперёд, заговорила смуглая брюнетка:

– Я Элиза, мадам. А это Ирен и Анна, – она указала на двух других, шатенку с непослушными вьющимися локонами, собранными наскоро под платок, и девушку с тёмно-русой копной. Все трое были одеты скромно и, казалось, будто впопыхах нацепили на себя первые попавшиеся вещи. Но не это удивляло меня больше всего. Девушки были очень даже симпатичные. И почему бордель отпустил именно этих красоток, потеряв такую возможность заработать, для меня оставалось загадкой.

– Мы готовы честно трудиться, мадам, – продолжала Элиза. – Мать в детстве учила меня шитью, Анна тоже умеет. А Ирен ловкая. Она быстро освоится. Вы только скажите, где мы будем жить?

Совершенно логичный вопрос поставил меня в тупик.

Бестолочь! Татьяна Михайловна! Ну как можно было наобещать с три короба девчонкам, если у тебя нет для них даже угла?! Они лишились всего, поверив тебе, так что думай, и побыстрее. Вон, Роза уже начала что-то подозревать. По глазам видно.

Решив, что иного пути нет, я проговорила, отдавая отчёт словам и с ужасом ожидая реакции Риты на новых жильцов в нашем доме:

– Вы можете жить...

– У меня, – закончила Белла, вызвав на себя несколько недоумённых взглядов. – Дом моего отца пустует. Там достаточно комнат. Дорогой, ты ведь не против? – Белла уставилась на мужа так, что только дурак на его месте был бы против.

– Ну что ты, – осторожно начал Аньооло. – А разве там им будет удобно? Мы ведь пользуемся конюшнями.

– А при чём здесь конюшни? Я же не в стойлах предлагаю их поселить. Решено, вы будете жить в моём доме, милые дамы, и, я уверена, такой расклад устроит всех. Чего добру пропадать?

Я восхищённо ахнула. Ну, Изабелла, удивила. Я и не ожидала от неё такой решимости. Надо признать, она выручила меня. И пусть уж девочки живут отдельно, как привыкли. А насчёт неприятного прошлого я больше чем уверена, что никто из них не станет водить на постоянной основе мужиков просто потому, что им хватило. Ведь иначе они бы не пришли ко мне.

Одарив помощницу благодарным взглядом, я посмотрела туда, где Роза, мотая кудрями из стороны в сторону, рассматривая машинку. За машинкой сидела Лаура Торино и рассказывала девушке, что и как работает в незамысловатом механизме.

Остальные швеи притихли, ожидая чего-то. И осознав, что если я не расскажу им обо всём, работа не продолжится.

– Друзья, – начала, привлекая всеобщее внимание, – эти милые девушки теперь будут работать с нами. У них была непростая жизнь до встречи со мной сегодня, но теперь, я уверена, всё наладится, и мы вместе поможем друг другу.

Мне не хотелось вдаваться в подробности этого самого тяжёлого прошлого, и я надеялась, что тайну не придётся раскрывать. Но когда одна из швей подскочила, гневно кривя рот, все надежды рассыпались.

– Я знаю эту стерву! – прокричала она, тыча палец в спутницу Элизы. Перепуганная Ирен готова была бежать вон. – Она шлюха из портового борделя! Дешёвая дрянь, сломавшая не одну семью!

– Эй, ты, рот закрой! – готовая к драке Роза кинулась к ней, заворачивая рукава и сжимая кулаки. – Ещё слово, и я пришью тебе к уху пятку.

– Она околдовала мужа Регины, – не унималась швея, – и он перестал ночевать дома! От Елены муж стал похаживать. Несчастная чуть руки на себя не наложила! Пошли вон отсюда! Грязные шлюхи! Я не останусь здесь, если придётся работать с ними!

Роза остановилась вплотную к женщине и с вызовом толкнула её в грудь. Та отлетела к стене.

– Почему это?! – бросила рыжая. – Неужто и твой муженёк накуролесил?! Ну так это претензии не к нам. Что-то у вас в постельных делах не заладилось, вот и свернул на кривую дорожку!

Швея побагровела. Видимо, Роза всё-таки задела за живое. Порывисто обойдя стол, она бросилась на рыжую, вцепляясь ей в волосы.

– Ненавижу! Ненавижу! – кричала она, тогда как Роза, будто не чувствовала боли и с визгом хохотала, отбиваясь от озлобленной женщины.

Требовалось вмешаться. С трудом протиснувшись между ними, я несколько раз попала под горячую руку.

Мне так и не удалось справиться с ними, пока не вмешались мужчины. Только когда Лукас и Мартин оттащили брыкающихся девушек друг от друга, я увидела ссадины на лице швеи и небольшую рыжую прядь в её сжатом кулаке.

– Будьте вы все прокляты! – кричала в исступлении швея. – Горите в жерле нечистых! Потаскухи!

Женщина перестала шуметь. Медленно осев на пол, она разрыдалась.

Роза тоже уgomонилась. Бросив на неё косой взгляд, я на миг пожалела, что мне отправили именно эту особу. Что-то подсказывало, с ней мне будет труднее всего. Невольно сериал припомнила, который смотрела ещё в молодости. «Дикая Роза» назывался. Вот уж точно, дикая. Зверёныш самый настоящий.

– Простите меня, мадам, – швея всхлипнула, не поднимая глаз. – Но я не могу. Не могу их видеть.

Я подошла к ней и присела рядом на корточки.

– Тебя можно понять, Мари, – сказала я тихо. – Но и ты пойми. Я пообещала этим женщинам, что никто здесь не обидит их и не упрекнёт прошлым. Мы не знаем причин, по которым им пришлось устраиваться в бордель, и уж точно это произошло не от хорошей жизни. Поверь, им сейчас непросто. Нужно иметь много мужества, чтобы изменить всё после того, как побывал на самом дне.

– Мадам! – Роза резко дёрнулась, вырываясь из рук Лукаса. – Мы уходим. Это была плохая идея!

Она развернулась и зашагала к выходу, где Элиза успокаивала плачущую Ирен.

– Стоять! – рявкнула я. Роза замерла. – Вы остаётесь здесь.

Девушка обернулась и с вызовом уставилась на меня.

– Предлагаете нам слушать каждый день, какие мы грязные шлюхи?! Да у меня, к вашему сведению, сеньора Салес, только один постоянный клиент был, который оплачивал право быть со мной с недопуском других мужчин. Он любит меня и очень обрадуется, когда узнает, что меня отпустили.

– Тогда зачем ты пришла сюда? – спросила я, не давая ей насладиться триумфом.

– Розе не позволят остаться с ним, – ответила за девушку Элиза. – Сеньор Марко сын литейщика, и родители уже назначили ему жену.

– Замолчи, – процедила сквозь зубы девушка. – Ты ничего не понимаешь. Он любит меня! И никакая жена не помешает нам быть вместе!

Смешок Мари заставил меня сильнее нахмуриться.

– Вы всё ещё считаете, что я не права, сеньора? Она готова стать любовницей при живой жене, и ничуть этого не стесняется.

– Марко не выбирал себе жену! – вскричала Роза. – За него сделали выбор, не спросив, чего он хочет!

Я не выдержала. Сорвав с плеч кружевную накидку, нервно отстегнула заклёпки рукава и задрала его выше локтя. Никогда не думала, что буду радоваться незажившим ушибам.

– Никто из нас не выбирает, Роза, – проговорила я, показывая почти затянувшиеся следы синяков от цепей на запястьях и шрам на предплечье. – Нам говорят идти замуж или жениться, и мы покорно идём. Плевать, какой это будет человек, плевать, что он может покалечить или убить. Семьи заключили сделку, и ни о какой любви здесь речи нет, – я опустила руку, убедившись, что эффект неожиданности сработал. Даже мужчины изумились. Теперь следовало действовать аккуратно. – Ты, конечно, можешь стать любовницей сеньора Марко, Роза. Но

подумай, что будет, когда твоя молодость и красота увянут? Что будет с вашими детьми, которые наверняка появятся от этой любви? Мальчики, скорее всего, уйдут грабить корабли. А девочки? – Роза потупилась. – Ты ведь всё это прекрасно понимаешь сама. И ты бы не пришла сюда, если бы всё обстояло иначе, а сразу побежала к любимому. Но ты умная женщина, и я рада, что ты здесь.

Я окинула присутствующих долгим взглядом.

– Всем вам, – продолжила я, – сейчас предстоит решить, согласны ли вы остаться на фабрике, зная, с кем придётся работать плечом к плечу. Готовы ли вы помогать новичкам, вводить их в курс дела и вместе трудиться на благо фабрики. Решайте. Я жду.

Первой подала голос Лаура.

– Мы точно остаёмся, – сказала она, хлопнув по плечу кивающую дочь. – Мне страсть как понравилось с этой машиной работать. Я и девочек научу.

– Благодарю вас, госпожа Торино. Кто ещё готов высказаться?

Все молчали, и тишину эту мне хотелось расценивать как знак согласия.

Мари тяжело поднялась с пола. Подойдя к своему рабочему месту, она взяла сумку и, набросив лямку на плечо, хмуро посмотрела на меня.

– Прощайте, сеньора Салес, – сказала женщина. Я кивнула.

Когда дверь за Мари захлопнулась, тяжело вздохнула. Плюс четыре и минус одна швея. Что ж. Могло быть и хуже.

Глава 10

Девочек без проблем получилось устроить на работу. Новый дом им понравился. И хоть я подозревала, что Роза всё-таки начнёт когда-нибудь устраивать здесь свидания со своим воздыхателем, но это ведь не одно и то же, что водить разных мужчин. Это другое. Здесь любовь. Белла по этому поводу совсем не переживала. И если я чего и боялась, то только ещё одного возможного побега влюблённых. Мне и прошлого хватило. До сих пор волнуюсь, как там Ангела с Горацио.

В суматохе забот, которые не утихали ни на день, я понимала, что должна поблагодарить Диего за помощь. Но он почему-то не приходил. Конечно, по-хорошему, прийти должна была я, и мысль такая посещала. Вот только Тальдаро – не мой мир. Здесь незамужняя женщина рискует уронить достоинство походами к одиноким сеньорам.

Я скучала по нему. И всё никак не решалась разузнать, где живёт корсар. Ходили слухи, что его дом, мрачный и неприметный, как и сам хозяин, скрывается где-то за пределами города. И туда не так-то просто добраться. Что ж, было бы странно, если бы такой человек, как Диего Борджес, обитал в особняке в самом центре города.

Месяц выдался неудачным. Швей, коих всё ещё было недостаточно, работали в две смены, пытаюсь успеть сдать заказы в срок. Один раз сломалась машинка, и пришлось звать Лучано, который знал теперь, как чинить механизм. Он сообщил, что Пабло нездоровится, и изготовление новых аппаратов откладывается на неопределённый срок. А я ещё больше убедилась в мысли: старика нужно возвращать в город.

И для этой цели, видимо, мне всё же придётся в следующий свой визит привести Долорес, которая одна может повлиять на него. Вот только не получилось бы наоборот. Она вполне могла захотеть остаться со старым другом, если тот заартачится.

В один из дней я решила надеть платье, которое Лукас изготовил по новым выкройкам. От прямых силуэтов мы всё же отказались. Пока. Ну, потому что не время. Зато решились полностью убрать панье – а это уже полдела на пути к удобству и практичности повседневных нарядов.

Моё платье сшито было из плотного хлопка. Тёмно-зелёное с ненавязчивой вышивкой на корсете и манжетах длинных облегающих рукавов, оно навевало на природные мотивы. Тяжёлая юбка со множеством оборок ниспадала с бёдер почти до самого пола, как это и было принято. Только со стороны смотрелось сильно иначе привычных нарядов. Помнится, нечто подобное имелось у меня в гардеробе в брежневские времена. Только не такое длинное и затянуто было широким поясом. Хорошее платье, качественное. Даже Катя потом какое-то время его носила.

Чего бы я ни надела на себя, чёрная кружевная шаль оставалась неизменным атрибутом моего образа. Вот и теперь, закутавшись в её уютные объятия, я сидела за большим круглым столом и старалась не поддаваться эмоциям в обществе хмурых и недовольных моим присутствием мужчин. Они никак не могли привыкнуть к тому, что моё пребывание на заседаниях гильдии промышленников теперь не обсуждается.

Как и прежде, меня там никто не желал слушать, воспринимая в качестве номинальной единицы, которая способна лишь ставить подпись на документах. Вот уже третий раз я приходила сюда. И ничего не менялось. Меня удостаивали лишь коротким кивком и еле сдерживаемым пренебрежением при встрече, а все разговоры велись через Мартина.

– Чем вы можете похвастаться, господин Аньоло? – спросил пожилой председатель, когда очередь дошла до нас.

Мартин поднялся. Взяв в руки листок, он встряхнул его.

– В этом месяце наши успехи скромны, сеньоры, – начал мужчина. Несколько человек при этом переглянулись, не скрывая усмешки, другие зашептались, кидая на меня косые взгляды.

Я лишь глаза закатила и положила на стол локти, устав сидеть без дела. Да я бы лучше помогла Лукасу кроить материю, чем время здесь терять и терпеть этих снобов!

– Прибыль покрыла расходы в полном объёме, но имелось некоторое расхождение по срокам, и часть заказов ушла от нас с опозданием. Ожидаем, что скоро мы сможем официально устроить наших прежних работниц, и подобные неурядицы перестанут нас донимать.

– Скажите, – подал голос тип лет сорока с огромной лысиной и комочками сивых волос на висках, – это правда, что вы приняли на работу проституток из публичного дома?

На нас устремились разом все взгляды присутствующих. Даже те, кто всё время копался в бумагах или что-то записывал, оставили свои дела.

– Мы были вынуждены, – начал Мартин. – Если бы не чрезвычайное положение...

– А вы не боитесь, что, когда все об этом узнают, к вам перестанут обращаться? Мало кому понравится иметь дело с вещами, которых касались руки дамочек подобного сорта, – лысый брезгливо скривился. – Я бы точно отказался от ваших услуг. Да и большинство почтенных сеньоров, уверен, тоже.

– Да неужели? – не выдержала я, хлопая ладонью по столу. – В таком случае скажите мне, почему половина сеньоров Тальдаро до сих пор не сожгла свою одежду и не изувечила себя? Насколько мне известно, они большие любители посещать заведение мамы Селести. Или я не права?

Несколько голов потупились, а я едва не расхохоталась.

– Сеньора Салес! Что вы себе позволяете?! – лысый вскочил с места и упёр кулаки в стол. – Мало того что мы терпим вас в этих стенах, так вы ещё и правила приличия вздумали нарушать?! Если не успокоитесь, я прикажу вывести вас отсюда!

– У вас нет на то полномочий. Как хозяйка фабрики я имею полное право находиться здесь, терпеть ваше пренебрежение к людям и высокомерие по отношению к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.